

7-е издание

Я-княгиня Ольга

*Первая женщина
на русском престоле*

Наталья ПАВЛИЩЕВА

Страсть на троне. Романы величайших женщин

Наталья Павлищева

**Я – княгиня Ольга. Первая
женщина на русском престоле**

«Яуза»

2014

Павлищева Н. П.

Я – княгиня Ольга. Первая женщина на русском престоле /
Н. П. Павлищева — «Яуза», 2014 — (Страсть на троне. Романы
величайших женщин)

Легендарная княгиня Ольга. Первая женщина-правительница на Руси. Мать великого Святослава. Жена князя Игоря, зверски убитого древлянами (привязав к верхушкам деревьев, его разорвали надвое), которая не только отомстила убийцам мужа, но и удержала власть в своих руках, став первой и последней женщиной на Киевском престоле. Четверть века Русь процветала под ее благословенным правлением, не зная войн и междоусобиц (древлянская кровь была единственной на ее совести). Ее руки просил византийский император. Ее сын Святослав стал величайшим из русских героев. Но саму Ольгу настиг общий рок всех великих женщин – пожертвовав собственной жизнью ради процветания родной земли, она так и не обрела женского счастья... Ранее книга выходила под названием «Княгиня Ольга. Обжигающая любовь»

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	40
Глава 11	41
Глава 12	42
Глава 13	46
Глава 14	47
Глава 15	49
Глава 16	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Павловна Павлищева

Я – княгиня Ольга. Первая женщина на русском престоле

Вместо предисловия

Княгиня Ольга... Святая княгиня...

Одна из жен первого Рюриковича, князя Игоря Старого, правившая Киевской Русью после его гибели в древлянской земле за своего сына князя Святослава. Она первая официальная христианка на Руси, хотя и до Ольги христиане даже среди князей уже были. Ее сын Святослав разбил ненавистную русичам Хазарию, а ее внук, князь Владимир, крестил Русь.

Жизнь этой женщины не была ни легкой, ни спокойной, хотя при ее правлении Русь почти не воевала. В ее судьбе с избытком всего – драма матери, долго ожидавшей рождения сына, но потом не понимавшей его, и вдовство, многие годы одиночества в окружении людей и даже признание императора Византии, что она вполне достойна трона! Мы до обидного мало знаем о первых князьях Киевской Руси, а Ольгу помним скорее по мести древлянам за гибель мужа. По велению княгини был с помощью птичек с серой на лапках сожжен город Искоростень (она повелела собрать дань по три голубя и воробья с дома). Христианка Ольга в языческой стране мстила по языческим обычаям.

«Книга Степенная» (царская родословная), писавшаяся в XIV веке, уточняет происхождение Ольги: «...от Плесковская страны, от веси Выбутской, от языка варяжска, от рода же не княжеска, ни вельможска, а от простых людей». Вот так, можно сказать, народная княгиня получается!

И все-таки кто она? Версий множество:

– Гостомыслова дочь, поскольку звали, до того как княгиней стала, Прекрасой, а у достопочтенного ободритского князя была дочь Прекраса. Это по завету Гостомысла приильменские словене, кривичи, весь, чудь и меря призвали на свою голову его внука, сына средней дочери Рюрика Умилы, «наряд держать». Вопрос в том, что Прекраса – старшая дочь князя, следовательно, своему мужу Игорю Старому получалась просто теткой, и к моменту замужества ей было бы лет этак 140, а при рождении Святослава вообще 180! Нелепо.

– Дочь Вещего Олега. Абсолютно бездоказательно, но версия существует.

– Дочь половецкого князя Тмутаракана. Следовательно, мусульманка, невесть каким образом попавшая в нужный момент в псковские Выбуты. И неважно, что половцы появились у рубежей Руси уже после смерти самой княгини, захотелось кому-то – и предположили.

– Болгарка, которую привез князь Олег из похода. – Простая крестьянка Прекраса, которую князь в молодости встретил на перевозе, не остался равнодушным к красоте, а та усовестила нахала. Да так, что много лет отповедь помнил и женился, когда в возраст вошел.

– И последняя версия: мол, что была простой варяжской, взятой князем в жены малолеткой, видимо, в угоду дружине, приведшей к власти его отца и его самого.

Историки упорно не замечают одной фразы из летописи о князе Игоре, где говорится, что *были у князя еще жены*, но Ольгу он любил за ум. Почему все, что написано про жен,

*отнесли к одной-единственной? Вполне могло быть, что в 903 году князь Игорь женился на Прекрасе, которая за десять лет до того усовестила нахала на перевозе. И «из болгарех» ему князь Олег вполне мог привезти жену, возвращаясь от Царьграда. Вполне же логично, что **Ольга** – одна из княжеских жен. Первую звали Прекраса, какая-то еще была болгаркой... Просто она самая разумная и властная, потому и считался с ней больше, чем с остальными.*

Глава 1

Княгиня зло блеснула глазами – глупая Потрава посмела сунуться без зова! Зашипела так, чтоб слышала только сама ближняя девка:

– Еще раз войдешь, когда не зову отправлю в поруб!

Краем глаза заметила, как побелела Потрава, ближние холопы знали, что слово княгини закон, не пожалеет. Любая провинность карается очень жестоко, поэтому на всем княжьем дворе порядок. Всегда был порядок, еще при покойном князе Игоре...

Потрава с испугом залепетала:

– Княгиня... там священник... войти просит...

Ольга фыркнула, точно рассерженная кошка, дернула ГОЛОВОЙ:

– Завтра. Недужная я... Пошла!

Ольга не сомневалась, что Григорий послушно придет и завтра, и послезавтра. Куда он денется? Будет ходить, услужливо заглядывая в ее синие с металлическим отливом глаза, ловить изменение изгиба узких, вечно сжатых губ. Боится... он боится за свое положение, боится за свое место при ней...

Григорий и без ответа холопки понял, что нужно уйти, согласно кивнул и поплелся к себе.

Он пытался воспринимать происходящее как послушание, это было его служение Богу. Много лет княгиня крепкой рукой держала подвластные Киеву земли, а воевода Свенельд помогал своей дружиной этой хватке не ослабнуть. Казалось, все вокруг было хорошо, но княгиню словно что-то разъедало изнутри.

Свеча, догорая, начала коптить. Григорий зажег новую и взял в руки пергаментный свиток. Чтобы успокоиться, нужно почитать, например, о солунских братьях. Кирилл и Мефодий тоже трудились на Руси, хотя и далеко от Киева – в Корсунь...

Но почитать не удалось, мысли упорно возвращались к княгине. Григорий со вздохом отложил пергамент в сторону.

Княгиня Ольга... Григорий с первого взгляда не поверил в ласковость княжских взглядов и слов. Странное впечатление оставляло ее лицо для тех, кто умел приглядеться. Вернее, смел. Но смели немногие, а княгиня умела скрывать свои мысли и чувства. Выдавало только несоответствие. Глаза и губы этой женщины словно жили отдельной жизнью. Если улыбались синие глаза, то узкие губы при этом становились едва заметной щелочкой. Напротив, если раздвигались уста, открывая ряд ровных хищных зубов, глаза светили металлическим блеском. Священника изумляло: как этого не видят окружающие? Не сразу понял, что у этой женщины столь велика воля и властность, что просто подавляет всех вокруг, и никто не в состоянии не подчиниться, тем более наблюдать за ней со стороны.

Григорий смог, но вовремя сообразил не открывать этой тайны. Он никому не сказал о своей догадке, да и кому скажешь? Но научился ею пользоваться. И все же, столько лет состоя при княгине духовным наставником и беседуя на темы веры, Григорий не заметил, как все же попал под действие ее воли. Сейчас он послушен и подчинен даже более других, готов заглядывать в поблекшие от возраста глаза, внутренне содрогаясь и мечтая от этой покорности избавиться.

Иногда священнику приходила крамольная мысль, что, если бы он не потратил столько лет жизни на княгиню, толку было бы больше. Тогда ему казалось, приведя к истинной вере женщину, правящую всеми русами, он приведет туда и самих русов, что, не просто крестившись, а твердо уверовав, Ольга сможет крестить Русь. Не вышло. Христиан в Киеве немало, но немало и магометан, и иудеев, а больше всего язычников. Их власть.

Если бы он все эти годы учил киевлян или просто других русичей, истинно верующих на Подоле было бы гораздо больше: Княгиня не смогла повлиять даже на собственного сына!

У Григория росло раздражение против Ольги. Росло из-за понимания, что столько лет прошло зря, что он мог бы сделать гораздо больше, а все это время был возле княгини.

Что она сделала со своей жизнью? Превратила ее в постоянную борьбу за власть, власть земную, призрачную. Боролась с князем, с древлянами, с женами Игоря, даже с собственным сыном... Зачем? Чтобы перед ней склоняли головы с тихим шепотом: «Княгиня!»?

Уже догорела вторая свеча, Григорий не стал зажигать следующую, незачем, мысли о прошедших годах не дадут заняться делом. Он лег на полати, закинув руки за голову, и долго еще размышлял, глядя в темный потолок и время от времени вздыхая.

Сама княгиня тоже долго сидела у огня, вспоминая встречу с отцом Григорием и то, что эта встреча ей дала. Тогда для Ольги было тяжелое время, она стояла на распутье...

Постепенно мысли унеслись дальше, в детство, когда еще она не была женой князя.

С ранних лет Ольга любила, затаившись на полатях, слушать рассказы отца о дальних странах, о королях и королевнах, о жизни людей за далекими морями. Став взрослой и сама побывав в Царьграде, она поняла: отец не так много и повидал, сидя на руме варяжского драккара, больше рассказывал с чужих слов. Но тогда это было неважно. Главное, что здесь течет не очень сытая и очень скучная жизнь с больной матерью и тремя братьями. А там где-то, далеко-далеко, совсем другая – яркая и интересная. Там много серебра и золота, красивые люди одеты в дорогие одежды, там не нужно работать и одного взгляда красавицы достаточно, чтобы все вокруг пали ниц.

Ольга часто представляла себя такой королевной. У красавиц из рассказов отца длинные светлые волосы? У нее тоже. У них синие глаза? И у нее большие и синие. Они держат спину прямо и свысока властно глядят на остальных людей? Ольга научилась держаться прямо, а от взгляда и сейчас всех бросает в дрожь.

Ей очень хотелось стать такой же королевной, но вокруг были Выбуты и самая обыкновенная жизнь без героя на сказочном коне. Конечно, ее отец не простой варяг, но и до короля ему ой как далеко!

И все же она дождалась своего часа. Никто не мог поверить, что ее выбрали в жены киевскому князю-наследнику. Мать возражала – Ольга еще просто мала, а князь старше и у него есть жена, девочка станет игрушкой в чьих-то руках. Мать плохо знала свою девочку. Ольга ушла, все так же прямо держа спину и ни разу не оглянувшись на свой дом и свою семью. Даже отца с его рассказами не вспомнила!

А ступив на княжий двор, вычеркнула из памяти прошлую жизнь, босоное детство, заодно и воспоминания о королевнах. Они далеко за морем, а ей предстояла борьба за свое место здесь. Долгие годы Ольга не вспоминала о семье, зато потом сполна отплатила.

Князь действительно был старше ее и некрасив. Ольга никогда не сможет полюбить такого, но недаром ее имя значит «мудрая». Стать княгиней можно лишь выйдя замуж за князя. Она стала княгиней.

Ольга вспоминала свои первые годы на княжьем дворе. У Игоря действительно была жена, поэтому молоденькую синеглазую красавицу поселили в Вышгороде, подальше от Киева, там предстояло повзрослеть. Девочка поняла, что мать права, она просто игрушка, подвластная чьей-то воле. Самому князю десятилетняя Ольга была не нужна, да и старшему князю-правителю Олегу тоже. Тот любил жену Игоря Прекрасу, кроткую, тихую, ласковую. Прекраса никогда не вмешивалась ни в дела мужа, ни вообще в какие-либо дела. Ее уделом были дети. Родись у Прекрасы сын, может, Ольга так и осталась бы Вышгородекой сиделицей, но старшей жене князя Игоря не везло, у нее рождались только девочки. Единственный сын не прожил и дня.

Позже Ольга поняла, что женитьба на ней Игоря была простой уступкой варяжской части дружины, те требовали, чтобы князь взял жену по себе, мол, она сможет родить сына. Воевода Олега схитрил, привез из Выбута красавицу Хельгу. Девушка была еще слишком молода, кто знает, что произойдет за следующие годы?

Но все они просчитались в одном – сама Ольга не желала тихо сидеть и ждать. В ней проявилось то, что делало Ольгу Ольгой. Хотя и не сразу, но девочка стала учиться, она пыталась вникать во все, что было ей доступно. Когда об этом донесли князю Олегу, тот сам приехал поговорить с молодой княгиней. Ольга внутренне трепетала перед огромным князем. Она уже была достаточно наслышана и про то, что он умен, и про то, что волхв, и про его властную жестокость. Олег беседовал с невесткой недолго, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что девочка неглупа и властолюбива. У старшего князя много дел и без Ольги, брать ее в Киев он не стал, но прислал старого наставника князя Игоря франка Карла. Сам Карл тоже был без конца занят княжьими же делами и тоже перепоручил Ольгу заботам своих подручных. Девочку такое обращение страшно обидело, но что она могла поделать?

Княгиня невесело усмехнулась, вспоминая, сколько раз засыпала одна в ложнице, свернувшись калачиком под меховой накидкой, вся в слезах. Старалась плакать тихо-тихо, не дай бог услышит, и не тереть глаза, чтобы до утра не осталось следов ночных обид. Некому утешить, девочка одинока. Вот тогда она дала себе слово, что станет королевой русов! Станет всем назло! И принялась учиться. Королева должна многое знать и уметь.

Но не всему может научить мудрый Карл, будущей княгине предстояло научиться вести хозяйство княжьего двора безо всяких советов. За всем нужен догляд, челядь должно распределить по работам, проследить, чтоб чего не пропустили, все выполнили. Для помощи есть ключники, но ведь и за ними глаз да глаз! Хозяйка должна помнить, что и сколько осталось в закромах, кто из челядников чем занят в любой день, для этого надо встать до света, раньше слуг. А в любую свободную минуту княгиня занимается рукоделием, ей не пристало прясть или ткать хуже своих девок. Ольга не раз поблагодарила строгую до учения бабу Миславу, что зорко следила за тем, как внучки управляют с веретеном и прялкой. Вообще не слишком сытое и легкое детство научило Ольгу не только мечтать, но и многое делать своими руками, а главное, быстро разбираться в хозяйственных делах.

Игорь, казалось, совсем забыл, что у него в Вышгороде живет младшая жена, он не просто не приезжал туда, не упоминал Ольгу даже в разговорах. Старший князь тоже. А в Вышгороде росла и расцветала красавица с властным взглядом синих глаз. Она уже научилась держать себя в руках и никому не показывать, что ей плохо или больно, тоскливо или просто одиноко, все и всегда видели Ольгу ровной, приветливой и спокойной. И очень властной, ее строгого взгляда побаивался даже воевода Асмуд, которому было поручено охранять молодую княгиню. Втайне воевода поражался невниманию князя Игоря к своей новой жене, Асмуд видел, что именно за этой девочкой будущее, что две первые княгини ей и в подметки не годятся. А что молода еще, так это поправимо, с годами пройдет.

Глава 2

В Вышгороде тихо и спокойно, здесь почти нет дружинников, сюда не съезжаются те, кому надо решать свои дела у князя, здесь течет размеренная, сонная жизнь. Иногда от этой скуки хочется взвыть. Любой новый человек – событие. Особенно если он молод и хорош собой. Полюбоваться на въехавших на теремный двор троих всадников выбежали все дворовые холопки. Парни из челяди только фыркали: эка невидаль, конные приехали! Ольга, учуяв какое-то движение, тоже высунула нос посмотреть. В это время один из всадников обернулся в сторону терема, они встретились глазами. Княгиня отпрянула от окна, но тут же с любопытством глянула снова. Стройный, красивый парень немного старше ее стоял, не сводя глаз с окна. Заметив Ольгу, поклонился, лукаво блестя глазами. Щеки молодой княгини покрылись пунцовым румянцем. Всадник был хорош! Рослый, светловолосый, с большими серо-голубыми глазами, опущенными частоколом темных ресниц, щеки горят здоровым румянцем....

Княгине очень хотелось спросить, кто это, но у кого? Все выяснилось само собой. Это приехали ильменские словене к князю Игорю, но того в Киеве не застали. Им подсказали, что князь, верно, в Вышгороде, но и здесь его нет. Асмуд удивился: кто мог сказать, что Игорь здесь? Но объяснять, что князь ни ногой к своей молодой жене, не стал, только велел устроить приехавших на ночь, скоро вечер, отправляться куда-то уже поздно.

Разнообразием был рад и сам Асмуд, он позвал словен на ужин в трапезную, чтобы расспросить о жизни. Когда Ольга узнала, что заинтересовавший ее парень еще и средний сын плесковского князя, умоляюще посмотрела на Асмуда, чтоб позволил расспросить о родных местах. Тот только пожал плечами: отчего же не расспросить?

– А... в Выбутах бывал? – Ольга уже не замечала привлекательности княжича, главным было то, что псковский!

Тот чуть удивленно кивнул:

– Конечно, княгиня.

– Давно?

– Месяца два назад.

– Расскажи, – почти простонала Ольга.

Пришлось Любомиру, так звали княжича, вспоминать все, что вспомнил, про мало чем примечательные для него Выбуты.

Асмуд усмехнулся: нашлось княгине развлечение, пусть хоть так потешится, и предложил гостям остаться еще на пару дней. Знать бы, чем это обернется для княгини! Сначала она видела в Любомире только рассказчика, но вскоре снова стала замечать красоту и ум, кроме ладности речи, увидела и зовущий взгляд. Глаза Ольги, не отрываясь, смотрели в глаза парня, это заметил уже не только Асмуд. Воевода покачал головой: ох, княгинюшка, не наделала бы беды....

Как в воду глядел, Ольга влюбилась. Влюбилась со всей одержимостью первой любви, горячо и безрассудно. Похоже, и княжич тоже. Они очень подходили друг к дружке – оба стройные, светлые, красивые, но она княгиня, жена киевского князя, хотя тому и не нужна. Такую обходить бы десятой дорогой, но Любомир не смог.

Его горячие руки скользнули по ее стану, губы зашептали: «Любушка...» Она поддалась ласкам, сама прижалась, ответила на поцелуй. Ольга и Любомир миловались, забыв обо всем, и было неважно, что она княгиня и замужем, что кто-то может увидеть...

Вдруг в эту сказку наяву ворвались руки ключницы, ходившей за Ольгой, грубо раскидав влюбленных в стороны. Женщина зашипела:

– Вы что, с ума сошли?! Ольга взвилась:

– Как ты смеешь?

Но ключницу остановить было невозможно, она заслонила свою подопечную от парня:

– Поди, поди вон! Охальник! Чего удумал, княгиню обнимать! А ты хороша, хочешь князю порченой достаться?!

Ольга, опомнившись, покраснела, точно вареный рак, и выскочила из трапезной. Владица принялась укорять парня:

– Где твоя голова? Она молодая, а ты-то что удумал?

Любомир опустил голову, прекрасно понимая, что ключница права, еще немного, и все могло обернуться бедой, князь Игорь не простил бы ни его, ни свою жену. Владице вдруг стало жаль псковитянина, она махнула рукой:

– Хочешь поговорить, иди, только я рядом сидеть буду.

Тот изумленно вскинул глаза на женщину:

– Это зачем?

– Затем, чтобы дел не натворили, – упрямо пояснила та.

– Да нет, говорить зачем?

Владица чуть растерялась:

– Попрощаться не хочешь, что ли?

– Хочу, – чуть дрогнувшим голосом согласился Любомир.

– Иди уж, – подтолкнула его ключница. – Да не туда, за мной иди.

Повела в свою каморку, заставила сесть, почти сразу туда вошла и Ольга, смущенно поглядела на парня и тихо присела рядом на лавку. Владица за дверь не вышла, хотя могла бы, молодые уже опомнились и старались даже не касаться друг дружки руками.

– Я завтра уеду...

– Знаю.

– Может, когда свидимся?

Ольга чуть дрогнувшим голосом согласилась:

– Может...

Они не знали, что свидятся еще не раз, что Любомир на всю жизнь окажется ранен взглядом ее синих глаз, всю жизнь станет служить ей, ее мужу и ее сыну. А она всю жизнь будет тайно любить псковитянина, но так и не решится сделать его своим мужем, даже после гибели князя Игоря.

Как узнал Асмуд, где Ольга и Любомир, никто не понял, только воевода почти ворвался в каморку ключницы и замер на пороге. Княгиня и гость смирно сидели на лавке и вели тихую беседу, а с другой лавки за ними пристально наблюдала Владица. Она не испугалась появления воеводы, спокойно повернула к нему голову и укоризненно попеняла:

– Ну чего ворвался, точно пожар где? Видишь, княгиня про свои Выбуты все наговориться не может....

Асмуд недоверчиво оглядел каморку еще раз. Ничего подозрительного, хмыкнул, тоже опустился на лавку. Владица сочувственно поинтересовалась:

– Помнилось что? Тот кивнул.

Ключница укоризненно попеняла:

– А я на что?

Любомир уехал с рассветом и долго не появлялся ни в Киеве, ни тем более в Вышгороде. Но забыть синие глаза и светлые волосы не смог. Ольга тоже тосковала, вспоминая жаркие губы и чуть выющиеся кудри под рукой. Этот жар молодых сердец потом перерос в настоящую любовь, которую двое пронесли через всю жизнь, но которая ни ему, ни ей счастья так и не принесла.

Осенью и ранней весной на душе тоскливо. Лес стоит голый, мрачный, листьев или уже нет, или еще не появились. Весной, пока снег не растаял, а только просел, стал темным и тяжелым, или осенью, если выпал на мокрую землю попеременно с холодным дождем, деревья особенно беззащитны. Ольга очень не любила осенний и ранний весенний лес в пасмурную погоду. Дома, в Выбутах, много сосен и елей, они хотя и сбрасывают свои иголки, но делают это круглый год, постепенно, потому никогда не стоят с голыми ветками. А в Вышгороде больше берез, дубов, ясеней. . . . Хороши они летом, нечего сказать, но после листопада глядеть тошно. Дольше всех сопротивляются дубы, их листья до самого снега болтаются на верхних ветках. Это у осины листочки трясутся при малейшем ветре, а у дуба держатся крепко, не всякому ветру оторвать. Конечно, осень и зима в Киеве не то что в Новгороде, теплее и короче, но молодая княгиня все же скучает по лесам родных мест. Тоскует по прямым стройным соснам, устремленным в небо, с желтыми чешуйчатыми стволами, на которых можно найти капли прозрачной янтарной смолы, по темным ельникам с прячущимися крепенькими боровиками. Белый – самый главный гриб русских лесов, но он не любит тепла. Нет возле Вышгорода морошки с медовыми костлявыми ягодами, нет кислой красной клюквы, что греет свои бока на кочках, эти ягоды любят болота и прохладу. Нет россыпей брусники, у которой кустики что твой петушиный гребень. Многого нет, к чему привыкла молодая княгиня дома.

Ольга старалась не вспоминать чего нет, больше училась примечать хорошее, чем отличается киевская жизнь, без этого нельзя, ей не вернуться в Выбуты, значит, нечего и тосковать. Но тосковала против своей воли, ночами снились темные ельники или стройные сосенки, во сне тянула носом оттого, что вдруг пахло жухлыми листьями, как на болоте, слюной наполнялся рот при мысли о кислом клюквенном морсе. Казалось, и воздух в Вышгороде не такой, как в Выбутах, и вода иная, и небо светлее.

Глава 3

– Порушка, доченька, иди ко мне, – голос княгини лился ласковым ручейком. Она очень любила своих девочек, да и князь Игорь тоже. Но сына хотелось от этого еще больше. Не было у князя сыновей ни от Прекрасы, ни от болгарки Яны, рождались одни дочки.

Княгиня Прекраса с тоской посмотрела на пустовавшее рядом место на ложе. Давно здесь не бывал муж, делает вид, что занят, но она-то знает, что прошла его любовь, в какой клялся тогда на перевозе и потом, когда за себя брал. Игорь взял еще одну жену, молоденькую варяжку, совсем девочку. Зачем? Свенельд настоял, воевода силен, особо в силу вошел, как Игорь править один остался. Асмуд схитрил и привез девчонку, чтоб жила в Выбутах да выросла. Но князь ни там не бывает, ни здесь. Прекраса уж все глаза проглядела, жить вернулась из Новгорода в киевский терем, чтоб все время рядом быть, вдруг вспомнит? Не вспоминает. Раньше Прекраса к болгарке ревновала, но и та живет сиротинушкой.

Глядя светлые волосики дочери, княгиня размышляла. Идти к ворожее? Нет, гордость не позволяет. Ее сомнения давно заметила Акинишна, мамка, ходившая еще за самой молодой княгиней, потом за девочками. Не выдержала Прекраса, поплакалась на злую долюшку женскую. Акинишна обещала помочь, да только сможет ли?

Прекрасу отвлекли дочки, все три очень похожи на мать, светленькие, нежные и, точно травинки в поле, гнутся под ветром, а не сломить их. Это главная ее радость, только недолгая, скоро уже старшая заневестится, а там и младшие тоже. Как сложится их судьба? Не надо княжьей власти, не надо богатства, были бы с мужем да детишками счастливы, и ладно. Сама Прекраса никогда не рвалась править, и даже распоряжаться ей довольно семьи. Старший князь выговаривал невестушке, что слишком тиха да покладиста, но такая уж есть, себя не переделать. Снова княгине вспомнилась молодая ее соперница, та, говорят, наоборот, очень властная, даже девчонкой могла так глянуть, что любой подчинится.

– Пусть ее, – снова вздохнула Прекраса. И не соперница эта варяжка вовсе, к ней князь вообще ни ногой, точно и забыл, что в Вышгороде жена есть. Да и как помнить, если та совсем девчонка?

Вдруг Прекраса замерла от неожиданной мысли. Дочки даже забеспокоились, мать замолчала на полуслове. А та просто осознала, что с тех пор, как князь взял новую жену, прошло немало времени, варяжка уж и подросла. Неужто там Игорь пропадает? Позже Прекраса узнала – нет, не ездит князь Игорь в Вышгород. Но сердце успокоилось только на время, точно предчувствовало что.

Глава 4

Люди на земле привыкли к смене времен года, к тому, что за весной приходит лето. Сначала молодое, не жаркое, когда все буйно цветет и зреет, потом оно становится зрелым, устает, точно женщина, родившая много детей, как-то покорно уступает свое место осени. Осень, она робкая, у лета зелень отберет, сделает все желтым, заохолдит воды и землю, воздух сделает прозрачным и сладким, но скоро сама подвинется, пуская зиму-морену. Лишь время от времени будет осень воровато пригревать землю, точно жалея ее из-за наступающих морозов. Только зима всегда ведет себя хозяйкой, будто и не наступит ее очередь уходить. Хорошо, если засыплет снегом, а то ведь выстудит, выморозит все вокруг, станет швырять в лица людей горстями колючих льдинок, укоротит светлый день, а ночью заставит трещать деревья. Боятся люди зиму, потому и рады, когда появляются первые вестники будущего тепла – сосульки. Еще нет ни птиц, ни робкой зелени на полях, ни цветов на прогалинах, даже самих прогалин тоже нет, но на солнышке закапали первые сосульки, и человек рад. Не все зиме хозяйничать, есть и ей срок. Пусть потом еще налетят злые ветры, нанесут сугробы, заметут дороги, но солнышко уже пригревало, значит, вернется с теплом. В срок, у всего свой срок.

В Выбутах зима дольше, холоднее и отступает неохотнее. До самого березеня может посыпать снегом, замерзает вода в ведрах по ночам, но потом день свое набирает весной и летом. Дни много длиннее, чем в Киеве, и ночи не черные, а темно-синие. Рассказывали, что ближе к Варяжскому морю в Ладого летом ночи вообще нет – придет вечерний сумрак, и почти сразу утренняя зорька наступает. Короткое лето, зато светлое, все успевает вырасти, зацвести и созреть. Только мокро и холодно, но красиво.

Молодой княгине снился выбутский лес, ровные ряды сосен, искала она в нем что-то, а что – и понять не может. Знала только, что нашла, закричала от радости и проснулась. Вокруг темно, только в печи потрескивают остатки дровишек. В ложнице тепло, потому что челядники хорошо смотрят, топят даже ночью, чтоб не выстудило, чтоб не пожаловалась княгинюшка. Ольга сладко потянулась, молодое тело не знало болезни или усталости, повернувшись на другой бок, она почти сразу снова провалилась в сладкий сон. Теперь уже ничего не искала до самого утра, только тихо посапывала, уткнувшись носом в меховую накидку. Вошедшая в ложницу ключница проверила печь, прислушалась к ровному дыханию хозяйки и вышла, тихонько прикрыв дверь. Топая к своей каморке, женщина сокрушенно качала головой: и чего князю нужно? Вон какая лебедушка ждет не дождется его ласки, такую мало где встретишь, а князь и глаз не кажет в вышгородский терем.

Ольга проснулась оттого, что уже выпалась. На улице морозно, но в ложнице ярко горят поленья, огонь потрескивает, чуть тянет дымком... Тепло и уютно. Она одна. Она всегда одна, даже когда вокруг люди. Князь с осени до весны собирает дань, уезжая в полюдье, весной распоряжается сбором торговых людей и провожает их по Днепру за пороги, защищая от степняков. И только в конце лета появляется ненадолго в Киеве. Но там у него уже две жены, одна славянка Прекраса, которую князь когда-то сам встретил на перевозе еще совсем молодым и полюбил, вторая – привезенная князем Олегом от болгар, тоненькая, как тростинка, с темными длинными волосами и вечно грустными глазами, ее имени Ольга даже запомнить не могла. Сама Ольга живет в Вышгороде, еще слишком молода, чтоб князь ходил к ней. Раньше княгиню это не беспокоило, она старательно училась, запоминала все, что рассказывали ей люди, присланные Карлом, училась говорить на чужих языках, расспрашивала, как живут в других землях. Но прошло достаточно лет, пора бы Игорю и вспомнить о своей младшей жене. Нет, княгине сам князь совсем не нужен, но она хорошо понимала, что сидеть всю жизнь в Вышгороде, когда власть в Киеве, для нее невыносимо. Да, вокруг холопы, всегда готовые угодить,

выполнить любое желание, ее хорошо охраняют и богато содержат. О таком распорядился еще Вещий Олег после того, как побывал в Вышгороде.

И снова Ольга готова жертвовать. Для того чтобы стать полноправной княгиней, она должна родить князю Игорю сына, у Прекрасы одни дочки, у болгарки вообще нет детей, если Ольга родит наследника, то станет главной женой. Только Игорь мог дать ту самую власть, ради которой она столько лет сидит в Вышгороде и учится.

Ольга выскользнула из-под меховой накидки, под которой нежилась, и пробежала босыми ногами по медвежьей шкуре к окну. Увидеть ничего не удалось, Зима-морена сковала все вокруг, закрыла морозным туманом, изрисовала узорами. От окна тянуло холодом. Нет, лучше ближе к огню. Огонь-Сварожич согревал, давал тепло и свет. Без него людям не выжить морозной зимой. Но огонь требует пищи – дров.

Зябко поживаясь и поворачиваясь то одним, то другим боком, Ольга, однако, не отводила задумчивого взгляда от пламени. Ей вспоминалось, как выбирают деревья для печей. Славяне чтят лес, не всякое дерево можно рубить на дом и на лодью, а для печи тем более. Нельзя трогать старые, но крепкие деревья, негоже им гибнуть под топором. Нельзя рубить молодняк, пусть растет. Нельзя совсем засохшие, кривые, с большими дуплами.... Много какие нельзя, огонь будет гореть в доме, нельзя, чтобы беду привлек. Словно подтверждая ее мысли, поленце в печи вдруг оглушительно треснуло, рассыпая искры, одна из них вылетела наружу, но сразу погасла. Княгиня вздрогнула от неожиданности.

В ложницу робко заглянула Светлана, как бы проверяя, что случилось и не проснулась ли Ольга. Увидев княгиню раздетой у огня, засуетилась.

Позже Ольга вышла на крыльцо. Во дворе суетились люди – это привезли дань. Смерды носили на спинах большие кули из рогожи с возов к клетям, ставили их на снег и уходили за новыми.

День действительно выдался морозный, солнце искрилось тысячами мелких брызг, из лошадиных ноздрей валил пар, кони слегка похрапывали и перебирали ногами. Но таскающим тяжелые тюки людям было даже жарко. Ольга еще не замерзла, поэтому остановилась, чуть лениво оглядывая двор. Одно и то же, каждый день привозят скору (пушнину), бочонки с медом, воск или вон, как сегодня, снесь. Тут она заметила, что смерды ставят кули с рыбой прямо на снег и сверху рыба не накрыта, налетит снег. Подумалось, что в клетки, где теплее, налипший снег растает и рогожа будет мокрой. Ольга вдруг, сама того не ожидая, закричала, чтоб постелили рогожу под кули и прикрыли сверху!

От ее звонкого голоса и от неожиданности все встали. Ольга увидела, что из-за головы ближайшего к ней смерда торчит из рогожи хвост большого замороженного осетра. Чтобы не рассмеяться, она сурово сдвинула брови. По двору прошел шепот: «Княгиня...» Смерды посрыгали шапки с голов, несмотря на мороз и тяжелую ношу, заторопились подложить рядом и прикрыть кули.

В терем Ольга возвращалась со смешанным чувством. Распирала гордость, что ее, княгиню, пусть совсем молоденькую, послушали, выполнили распоряжение не ближняя челядь, а пришлые смерды. С другой стороны, было боязно командовать. Перевесило первое чувство. Ольга осознала себя хозяйкой. Она ведь верно приказала? Значит, и сомневаться нечего.

Однако настоящей воли не было, она хозяйничала с толком, но только на княжьем дворе в Вышгороде. А в Киеве другие, и князь словно забыл об Ольге. Может, так и было? Даже Карл в Вышгород больше не приезжал. Княгиня-затворница.... Сколько так еще сидеть? Она умница, она много знает и хорошо распоряжается, умеет держать себя с людьми, только кому это нужно? Молодая княгиня улыбается и разговаривает ласково, и все думают, что Ольга добрая, но строгая. И никто, кроме нее самой, не знает, что творится в душе, в мыслях. Она одна, всегда одна. Это расплата за возможность слышать вслед шепот: «Княгиня...» Но она готова платить.

Иногда Ольга ненавидела князя Игоря за его невнимание, равнодушие. Чем та славянка Прекраса лучше? Кроткая, мягкая, ласковая... Да разве такой должна быть правительница огромной страны? Чем занимается эта тетеха, пока князя нет в Киеве? Пестует своих дочерей... Пусть пестует, у нее нет сыновей, и пока это главное. Ольге нужен сын! Но для этого князь должен если не забрать ее в Киев, то хотя бы приезжать в Вышгород. Не с кем ей посоветоваться, некому пожаловаться на свою нелегкую женскую долю.

И Ольга, переборов себя, отправилась к ворожее, рассказала о своей беде седой, сторбленной годами женщине. Молодая княгиня помнила, как ходили к колдунье женщины в Выбутах. Никто из них ничего не рассказывал, но и без слов было ясно, что страшно. Одно дело на капище приносить жертвы, и совсем другое – связываться с колдуньей, кто знает, чем ее помощь обернется. Да и как рассказать чужой женщине о своей беде? Ольга и кому родному не смогла бы, гордость не позволила. Но ведунья спрашивать ничего не стала, вроде все поняла сама.

– И-и... милая, – трескучий, точно простуженный, голос оказался одновременно пронзительно высоким, – то не беда. Дам я тебе травку. Только это не сейчас. Как князь домой приедет, пришли ко мне девку. Сама не ходи, пришли кого. Будет князюшко только к тебе рваться сердцем. И сын у вас будет. Пришли девку-то...

Ольга едва сдержалась, чтобы не крикнуть, что князь здесь не бывает вообще. Но старуха, видно, и сама об этом знала, потому что добавила:

– Вернется князь с полюдья, дам травку. А пока найди, кто ее подсыплет.

Вот это и было для Ольги самым трудным. Где ей взять такого человека, чтоб был вхож к князю в трапезную и смог подсыпать зелье в еду, не рискуя жизнью? На третий день раздумий вдруг пришло неожиданное решение. Она кликнула к себе воеводу Асмуда. Его приставили к княгине с частью дружины для охраны и сбора полагающейся ей части дани, если ту не станут привозить. Но Ольге доставалась дань с полян, это был повод, поляне не древляне, платили исправно, и воевода скучал от безделья.

Асмуд пришел сразу, видно, был недалеко. Ольга не рискнула разговаривать с ним даже в ложнице, всюду много лишних ушей, позвала покататься на санях. Воевода удивился, но, внимательно поглядев в лицо своей подопечной, понял, что не ради забавы зовет, и согласился. Там, в заснеженном лесу, она, волнуясь, завела разговор о том, что князь совсем забыл Вышгород. Асмуд смотрел на красивую молодую княгиню и действительно не понимал князя Игоря. Хотя тот видел последний раз свою младшую жену, кажется, на свадебном пиру, когда ей было, поди, лет десять. Выросла, превратилась в лебедушку, какой заглядываются вслед все, кто видит. Воевода даже украдкой вздохнул: хороша, разумна, властна, а вон как повернуло – не нужна князю-то. И как поможешь?

А Ольга вдруг попросила о помощи! Нет, она не высказала прямо свою просьбу, не такова, от этой не дождешься, но спросила, где нынче князь.

– В полюдье, – ответил Асмуд.

– Это я знаю. Где?

– Должен быть недалече... Давно уже из Киева ушел.

– Ты к нему съездить сможешь?

– Смогу, – осторожно скосил глаза на хозяйку воевода. – Нужно что?

Ольга долго молчала, потом, словно решившись, резко повернулась к Асмуду.

– Порошок один в еду подсыпать нужно! – И быстро добавила, испугавшись, чтоб не понял неправильно: – Хочу, чтоб князь не только в киевском терему бывал, а и здесь, в Вышгороде!

И тут же отвернулась, вся зардевшись. Уже через мгновение жалела, что сказала все воеводе, теперь она в его руках. Но Асмуд и сам жалел красавицу, а потому заторопился поддержать ее:

– Съезжу, съезжу.... Только это в Киеве сделать можно. И человек есть, что подсыплет, не сомневайся, княгинюшка.

– Кто? – перед Асмудом снова была сильная расчетливая женщина. Воевода поразился тому, как быстро смогла взять себя в руки Ольга.

– Племянница моя у князя Игоря в ключницах ныне.

– Надежна?

– Не сомневайся.

Через два дня поехал Асмуд в Киев, никто не удивился, что воевода меж делом и свою племянницу навестил...

А князь действительно уехал в полюдье. Это занимало очень много времени, князя с дружиной не было в Киеве полгода, он занимался сбором дани с подвластных племен и творил княжий суд на их землях. Полюдье одновременно было и тяжелым трудом, и развлечением. Еще Олегом установлено правило не обижать людей, живущих по пути хода дружины, это понятно, можно и не вернуться. Князь Игорь старался придерживаться этого правила. Трудно было только с живущими по соседству древлянами, считавшими себя основой славянского союза. Иногда князь Игорь думал, что если бы его наставник Вещий Олег не захватил тогда Киев и сразу же не примучил древлян, они ныне владели бы Киевом и всем Днестром тоже.

Глава 5

Полюдьё как объезд отдаленных славянских земель было известно задолго до появления варягов на Руси. Киевский князь выезжал в полюдьё в ноябре и возвращался в апреле, его маршрут отстоял на двести – двести пятьдесят километров от внешних границ племенных союзов древлян, дреговичей, кривичей, северян и обходя землю радимичей.

Не нужно представлять себе полюдьё как разгульный разъезд киевской дружины по весям и городам безо всякого разбора. Дань была строго тарифицирована, например «по черной куне от дыма», то есть по черной куннице от печной трубы, независимо от того, сколько человеку этой самой трубы греется. Что ж, у древних налоговиков не было в руках материалов переписи населения, поэтому приходилось верить местным князьям на слово и надеяться, что те не рискнут обманывать бога Перуна, перед которым клялись.

Описание полюдьё киевских князей оставил нам византийский император Константин Багрянородный.

Император Константин перечислил земли, которые проходили русские князья на этом пути: древлян, дреговичей, кривичей, северцев... Это область между Днепром, Горынью и верховьями Южного Буга (земли древлян); от Припяти на север до водораздела с бассейном Немана и Двины, на востоке – от Днепра включительно (земли дреговичей); верховья Днепра, Двины и Волги (кривичи) и Средняя Десна, Посеймье, верховья Пела и Ворсклы – земли северян. Император точен – этот маршрут охватывает по кругу земли радимичей, которых покорил воевода князя Владимира Волчий Хвост только в 984 году, спустя 36 лет после написания его трактата.

Первыми в его перечне стоят древляне, вероятно, княжеское полюдьё начиналось именно с них в ноябре. Собранная там дань могла отправляться сразу по Ужсу в Днепр к Чернобылю и оттуда в Киев, чтобы не отягощать княжескую дружину. Дальше полюдьё двигалось по часовой стрелке, проходя по внутренним границам племен. Выходит, что к становищам, в которых останавливалась княжеская дружина, дань поставлялась из внутренних районов местными князьями. Нарушение договоренности с Киевом могло привести к тому, что полюдьё превратилось бы в поход против непокорных.

Полюдьё полгода кормило киевскую дружину и ее прислугу, которой тоже было немало, ведь кто-то должен готовить еду и топить печи в домах, где ночуют дружинники, ковать их лошадей, печь для них хлеб, чинить их одежду и так далее... Но и вторую половину года, когда собранная дань сбывалась далеко от мест сбора, она должна была тоже кормить дружину с князем. Мало того, если представить себе, какое количество ладей требовалось для такого путешествия, то станет понятно, что в этом деле был поистине государственный подход.

Константин Багрянородный назвал лады, на которых прибывали русские в Константинополь, моносилами, то есть однодревками. Таковыми их называли не потому, что были маленькими, а потому, что их киль делался из одного огромного дерева (10–15 метров длиной). Военные флотилии насчитывали до 2000 судов, количество торговых ладей неизвестно, но даже если принять их за 400–500, то и тогда постройка и оснащение их требовали усилий огромного числа людей. На один парус – ветрило – требовалось около 16 квадратных метров холстины. Это задача для двух ткачих на всю зиму (а если умножить на 500?). Добавим к этому выращивание льна и конопли, да еще и изготовление 2000 метров ужищ – корабельных канатов. Плюс цепи, якоря и тому подобное... Это только оснастка.

Причем большая часть ладей в Константинополе продавалась, их хорошо разбирали, зная качество изготовления. Почему продавали? В Византию русские суда везли большие тюки со скорой (пушинной), бочки с воском и медом, километры канатов и так далее. А обратно купцы загружали тонкие паволоки (шелка), золотые изделия, драгоценные камни.... Все это

занимало гораздо меньше места, зачем же гнать лишние лады, их лучше было продать, тем более хорошо брали.

Поэтому ежегодно сотни судов изготавливали и оснащали заново. Получается, часть дани крестьяне-общинники отработывали именно таким трудом. Во всяком случае, поставлено дело было с государственным размахом и организовано достаточно четко.

У киевского князя полгода, с осени до весны, очень много дел, связанных со сбором дани и подготовкой ее к отправке на торги в дальние страны. Вторая половина года проходила в сопровождении товара по водным торговым путям, прежде всего по Днепру с его трудными порогами. И только летом князь имел возможность спокойно вздохнуть дома в Киеве.

Ольга оглянулась. На мгновение на ее лице отразилась растерянность, но только на мгновение. Тут же молодая княгиня буквально зашипела, сердито сдвинув брови:

– Ты зачем здесь?!

Любомир тряхнул светлыми волосами, упрямо набычился:

– Я по делу, княгиня. К князю приехал.

– Князь в полюдье и будет не скоро....

– Ничего, я подожду.

Как же она боролась с собой, как старалась сделать вид, что недовольна появлением парня, что сердита за самоволие, что не желает его видеть! Ольга шагнула ближе, почти зашептала:

– Уезжай, прошу тебя! Не доводи до греха! А глаза просили совсем другое:

– Останься!

Любомир послушал глаза. Не отрываясь от ее очей, пожал плечами:

– Не могу, княгиня, воевода осерчает. Очень нужно князя повидать.

От внимательного взгляда не укрылся бы выступивший на щеках Ольги румянец. Но внимательным был только взгляд Любомира, а тот видел лишь ее синие очи.

Первой опомнилась Ольга, она резко отвернулась, парень заметил, как княгиня с трудом проглотила комок в горле, прежде чем произнести чуть в сторону:

– Как знаешь....

Глядя вслед уходящей княгине, Любомир счастливо улыбался. Пусть говорит что угодно, пусть даже гонит, он уже понял для себя, что князя не любит и его не забыла... Саму Ольгу разрывали два чувства – радость оттого, что Любомир пренебрег опасностью, и досада, что она не может справиться с собой. По мере того как княгиня успокаивалась, второе чувство брало верх.

Шли дни, но то ли князя еще не было в Киеве, то ли зелье подсыпать не удалось, то ли оно не подействовало, – не приезжал Игорь в Вышгород. Ольга не смирилась, но заставляла себя об этом не думать. Жизнь текла своим чередом, а молодая княгиня пристрастилась к совсем мужскому занятию – охоте. Конечно, она не ходила на медведя или волка, да и кабанов с лосями не трогала, но шкуры двух лисиц уже висели в ложнице. Ольга больше наблюдала, ей нравился сам выезд, возможность пустить коня галопом, кричать во время гона....

С утра выглянуло солнце, которого не было уже несколько дней, оно залило все вокруг радостным светом, словно зовя людей высунуть нос из дома. Асмуд, тоже радовавшийся возможности развлечься хоть на охоте, пришел к княгине по ее зову. Он не сомневался – сейчас кликнет на завтра, так и случилось, Ольга просила подготовить коней и поглядеть стрелы, у них плохое оперение. Воевода согласно закивал, сам о том думал. Договорились с утра и поехать.

Охота выдалась неплохой, Ольге удалось взять двух вевериц и даже неожиданно подстрелить рыжую лису! Гордая собой, княгиня поторопила коня, слегка оторвавшись от остальных, и поэтому выехала на дорогу к вышгородскому детинцу раньше Асмуда и гридей. И буквально

остолбенела – прямо перед ней оказался конь, на котором ехал... князь Игорь! От неожиданности остановился и сам князь. Он впервые увидел собственную жену после нескольких лет. Перед ним на гнедой кобылке сидела красавица с горделивой осанкой, ярко-синими глазами и светлыми волосами, выбившимися из-под повязки непокорными прядями. Щеки ее покраснелись от морозного воздуха, глаза блестели, ноздри почти хищно раздувались. Князь не мог оторвать взгляда от нежной молочно-белой кожи, темных ресниц и странно изогнутых губ.

Вслед за княгиней из леса выехал и Асмуд с гридями.

Игорь сам не помнил, как приветствовал воеводу, как после ехал с ними на княжий двор, как помогал сойти с коня, опередив холопов, своей жене... Зато это все заметил Асмуд. Значит, помогло зелье, подсыпанное ключницей в еду князю, приехал-таки он посмотреть на свою любушку. А Игорь не сводил глаз с супруги, сама Ольга едва сдерживала готовое вырваться из груди сердце. Ворожея не обманула, сердце Игоря теперь здесь, в Вышгороде. И она, Ольга, должна этим воспользоваться, кто знает, как долго действует зелье.

Князь пробыл в Вышгороде несколько дней, и только срочная необходимость заставила его уехать в Киев. Ольга отказалась ехать с мужем, все равно сидеть в Киеве Игорь не станет, а она там будет совсем чужая. Здесь Ольга уже давно хозяйка, это заметил и князь, пройдясь по клетям и двору, долго хвалил разумность устройства. А проехав по округе, изумился толковости молодой жены и в организации жизни в Вышгороде вообще. У Ольги стоило поучиться, но Игорь предпочел другое – довольно скоро он стал отправлять к жене разных просителей. Князь уехал и снова появлялся редко, то ли и впрямь зелье действовать перестало, то ли еще что, но Ольга снова жила практически одна.

Но это ее не беспокоило, случилось главное – она ждала ребенка, и чутье подсказывало, что это сын!

Под окном опять всю ночь заливались соловьи. Княгиня улыbnулась, маленькая невзрачная птичка пела, словно полоскала своими трелями горлышко. Звук этот манил всех молодых сердцем, заставлял думать только о хорошем.

Утром рано ее разбудил тревожный шум во дворе. Ольга вскинулась:

– Что?

В ложницу заглянула ближняя девка:

– Князь приехал!

Князь? Ольга накинула на плечи большой плат, прикрыв им и голые руки. Было тепло, но она уже стала толстеть станом. Хотя ребенок еще не шевелился, все же князь в ложнице ей совсем ни к чему.

Игорь вошел в дверь быстро и сразу прикрыл ее за собой. Это немного испугало княгиню, глаза князя совсем не горели огнем желания. Значит, что-то случилось?

Игорь сел, потом встал, взволнованно прошел к окну, снова вернулся к двери и вдруг спросил-сказал:

– Сын будет...

Ольга молча наблюдала за мужем, сказанное ее удивило, но княгиня привычно взяла себя в руки и спокойно ответила:

– Сын.

– Сбереги...

Уже почти толкнув дверь, Игорь обернулся и добавил:

– Мне волхвы сказали – сын.

За князем закрылась дверь, затихли его быстрые шаги по переходу, потом заржала чья-то лошадь, видно, уехали, а Ольга все еще сидела, молча опустив голову. Князь был у волхвов, и те предрекли рождение сына? Княгиня ласково погладила свой живот. Это очень хорошо,

если действительно родится наследник, Ольга назовет его Людбрантом. Так звали деда Игоря и ее собственного деда.

Княгиня ничего не сказала о своем замысле ни мужу, ни кому-либо другому, это ее право выбрать имя своему малышу.

Но вышло совсем не так. Игорь не только не позволил дать родившемуся сыну придуманное Ольгой имя, но и пришел в ярость! Сына будут звать Святославом – так сказали волхвы.

– Почему волхвы предсказывают имя, которое должен носить человек? – Ольга не стала напоминать, что имя славянское, не к лицу сыну варяжки носить такое имя.

– Волхвы сказали, что мой род продолжит Святослав! Что мой сын Святослав будет следующим князем.

Глаза князя насмешливо сощурились, он уже хорошо понимал, что самое главное для Ольги:

– Или ты не хочешь, чтобы князем стал твой сын? Тогда называй его как нравится, Яна тоже носит дитя под сердцем.

Ольга готова была закричать: «Нет!», но сдержалась, только кивнула:

– Пусть будет Святослав.

Игорь приблизил лицо к ее лицу губы скривились в насмешливой издевке.

– А я от тебя другого и не ждал!

Если бы не эти последние слова, Ольга привыкла бы к славянскому имени сына, но тут разозлилась. Конечно, его власть, она вынуждена считаться с волей мужа, но кто может помешать ей самой звать сына так, как она хочет? Пусть для отца и всех остальных он будет Святославом, для нее это Людбрант, и все!

Позже, сидя у изголовья умирающего мальчика, она проклинала то свое решение. Видно, волхвы правы и князем должен стать Святослав? Но Игорь никогда не простит ей смерть единственного сына, болгарка тоже не смогла родить наследника, у нее девочка. И будет ли еще сын у самой Ольги, если Игорь и видеть ее не хочет?

Но это было через несколько лет, а тогда вышгородская княгиня сама воспитывала своего мальчика, хорошо понимая, как это ненадолго. Немного погодя ребенка заберет воевода-пестун, и будущий князь станет обучаться ратному делу, глядя на сильных и суровых мужчин. Это девочки остаются при матерях до замужества, а сыновья уходят от них в дружину рано. У нее есть всего лет семь, чтобы приучить сына к мысли, что мать для него главное, чтобы он никогда позже не забыл о ней так, как забыл его отец.

Нет, князь Игорь тоже не забыл, но он не приходит к княгине в ложницу только присылает ей многих и многих просителей и советчиков. Все больше и больше хозяйственные дела даже Киева решает младшая жена князя Ольга, сидя в Вышгороде. Успешно решает, когда-нибудь князь поймет это. Но пока для Игоря главное – сын, который у Ольги. Для нее тоже.

Понимая, что с мальчика многое спросится сразу же, мудрая, хотя и молодая мать стала приучать его к мужским занятиям рано, малыш ездил на охоту, сидя перед ней в седле, пытался тянуть крошечный лук или бросить маленькое, для него сделанное Асмудом копье. Рассказывая трехлетнему сыну обо всем вокруг, Ольга почти всегда говорила: «Смотри, как устроила это твоя мать...» Святослав должен запомнить, что все разумное от матери, привыкнуть навсегда к мысли, что без нее Руси не жить.

К новорожденному внуку приезжал князь Олег. Он долго внимательно смотрел в розовое личико малыша, почему-то мрачно покачал головой и, круто повернувшись, вышел. Ольга бросилась вслед, князь – волхв, что он увидел? Но князь ничего не ответил на ее вопрос, только погладил молодую княгиню по начавшим вдруг темнеть после рождения сына волосам и снова сокрушенно покачал головой.

Бедная Ольга допоздна металась по ложнице, заламывая пальцы, взгляд Вещего князя точно предрекал какую-то беду. Но шли дни, и ничего не случалось. Постепенно княгиня успокоилась, решила, что Олегу просто не понравился сам мальчик. Вещий Олег и впрямь не слишком интересовался ребенком. Когда сам князь умер от укуса змеи, Ольга подумала, что не такой уж он и вещий, если не смог предусмотреть гадюку в черепе своего коня. Игорь после его смерти долго не приезжал не только в Вышгород, но и в Киев, сначала был в Новгороде, потом поехал по другим землям. Прекраса тоже жила в Новом городе, но мужа точно подменили, Игорь чурался ее даже больше Ольги.

Ольгу мало волновали Прекраса с дочками и даже смерть Вещего Олега. Она жила заботами маленького княжича, его детскими болезнями и радостями. И гордилась собой. Если князь теперь и возьмет еще одну жену, то все равно у Ольги растет Святослав, тот самый, которому волхвы предсказали княжение после отца. И неважно, что мать зовет его Людбрантом, для всех он наследник Рюриковичей Святослав Игоревич.

Она совсем не старалась вырастить из сына русича, рассказывала ему только свои, варяжские, предания, славянским он научится и без матери. Это очень нравилось дружине, состоящей большей частью из варягов, а дружина – главное в княжеской силе. Ольга не старалась ради дружины, просто ее и их чаяния совпали, и Людбрант рос истинным варягом, что очень не нравилось тем, кто считал варягов находниками. Но пока еще дружина сильна, а вырастет сын и возьмет все в свои руки! Так мечтала его мать, но человек может придумывать себе все, что угодно, а жизнь повернет так, как ей нужно.

Ольга нервно мерила шагами трапезную. Сама того не замечая, она кусала узкие губы и щелкала косточками пальцев. Эти две ее привычки вызывали ярость у князя Игоря, и она всегда следила за собой при муже. Но сейчас князя не было в Киеве, снова ушел через хазар в Табаристан! Все могло кончиться плохо. Князь Олег незадолго до смерти предостерегал Игоря от такого похода. Тот дождался своего часа и пошел-таки! Хазары не станут год за годом пропускать русичей через свои земли, да и отношения с Византией у них уже не те. Еще при жизни князя Олега Игорь дважды ходил на Табаристан, и оба раза удачно. Ольга не вмешивалась в государственные дела, ей хватало своих женских забот с маленьким княжичем. Краем уха она слышала, как Асмуд говорил кому-то, мол, князь Олег договорился с Царьградом, чтоб дружины пропустили через Хазарию. Княгиня удивилась – при чем здесь Царьград? Но переспрашивать не стала. Позже поняла, ромеи заплатили хазарам, чтоб те не чинили препятствий русичам при волоках через свои земли до самого моря. Это было очень опасно, но, видно, Олег был твердо уверен в договоренности, если решился отправить младшего князя на такое дело. И сам ждал у Днепра. Хотя, если бы хазарам вздумалось напасть, то и Олег не успел бы спасти. Игорь тогда хорошо взял с приморских городов, от нашествия русов вздрогнуло все побережье Арабского халифата, пограбили и Абесгун, и Бердаа, и многие другие города. Но это Олег смог договориться с византийским императором Львом, тот еще не забыл грозного князя, перед которым клялся в дружбе. Теперь императором давно уже Роман Лакапин, он иудеев, какие у власти в Хазарии, не любит, а Игорь ни с кем не договаривался. Что мешает хазарам попросту разграбить дружину русов на обратном пути?

Ольга не задумывалась о власти, пока вот так не припекло. Она вдруг поняла, насколько сложны взаимоотношения правителей меж собой. Вон те же древляне: стоило умереть князю Олегу, подняли головы. Игорь сходил на них с дружиной, чтоб напомнить о силе Киева, обещали давать по-прежнему, но делать этого не стали. Снова надо воевать.

Сейчас князь уплыл на земли Арабского халифата один. Ольга попыталась представить себе, как шли русские дружины. Она не слишком сильна в знаниях дальних земель, но слышала от того же Асмуда, что надо, до того как в Царьград попасть, спуститься по Днепру до самого Русского моря, потом пройти мимо хазарских городов Корчев и Тмутаракань в Меотийское

болото, как ромеи зовут Сурожское море, подняться по Дону до волоков на Итиль и только потом спуститься по Итилю в другое море. Княгиня не знала, где это, но хорошо понимала, что уже одни волоки – опасность для людей.

Хорошо чувствующая будущее, Ольга волновалась не зря. Но успокоить некому, верного Любомира тоже нет в Киеве, сама просила его быть рядом с князем, словно о защите просила.

Не стоило бы русичам так примучивать Бердаа, добром это не кончится. Но князь уже не мог остановить своих воев, те словно чувствовали, что жесткой руки Олега больше нет, творили что хотели. Игорь зубами скрипел, а Свенельд только смеялся:

– Чего ты боишься, князь? Куда они денутся, эти хазары? Под Царьградом ходят, точно овцы у пастуха под кнутом. Как велит Роман, так и поступят.

Казалось, все прошло хорошо, дань взяли большую, и хазарам хватит, и себе сверх меры останется. Но когда уже шли обратно, хазарский царь вдруг прислал тайного гонца. Свенельда не было в стане, тот со своими отстал, добирая ценное по окрестностям, и Игорь принял посланника сам.

Хитрый иудей быстро оценил скромное убранство шатра. Не стоит, чтобы русский князь заметил легкое презрение, которое испытал хазарин от увиденного. Не умеют эти дикари окружать себя удобством и красивыми вещами, не знают толка в богатстве. Разве так мог бы жить князь, только что пограбивший богатые города? Где роскошные ковры, где томные девы с тонким станом, где яства, вина, где золото, наконец?! И зачем им награбленное? Верно решили хазары забрать себе все, верно, только нужно не просто отобрать, а уничтожить войско этого князя, чтобы не пришел в следующий раз мстить самим хазарам. По воле царя гонец должен был сообщить русам, что на них могут напасть. По воле же тех, кто говорил с гонцом после царя, нужно было убедить князя, что это не опасно, чтобы ему не пришлось в голову вдруг свернуть на юг и пройти Сальскими степями до Русского моря к своим в Тмутаракань. Там помощники слишком сильны.

И гонец, пряча глаза, принялся передавать речь хазарского царя. Но даже одни и те же слова можно произнести по-разному. Можно грозно сказать, что в Донских степях, когда поставят ладьи на катки для волока, русские дружины ждет жестокая расправа, а можно просто напомнить о сложности волока, о том, что враги не дремлют... И при этом подчеркнуть мужественность и силу русского князя. Лесть он любит, ох, как любит. Верно рассчитали иудеи, Игорь услышал прежде всего осанну своей силе и воинскому таланту, поэтому лишь усмехнулся в ответ на предупреждение о возможном нападении. Гонец радовался – выполнил и волю царя, и волю других, заплативших немалые деньги за умение говорить правильно.

А вот сидевший все время молча в стороне Любомир услышал то, что надо было услышать, – идти от Итиля до Дона волоками нельзя! Положение тяжелое, да еще и Свенельда нет с князем! Игорь и слушать не захотел об осторожности:

– Ну выставлю я дополнительную охрану, справимся, что ты трясешься?! Это недостойно воина! Сам царь не собирается нападать, а с частью его войска разделаюсь так, что долго помнить будут!

Любомир с тоской подумал, что, похоже, долго помнить этот поход будут они сами. Попытался уговорить, чтобы Игорь хоть не трогался с места, пока не подойдет со своими Свенельд. Никакие доводы не помогли, князь решил выступать вперед, ничего не боясь. А варягов все не было и не было....

Когда ладьи уже стояли на катках, Любомир еще раз поговорил с князем, просил подождать. Игорь разозлился окончательно, кричал на помощника, корил за трусость и советовал удирать, если боится. Больше всего Любомиру хотелось выполнить его совет, но, вспомнив об Ольге, понял, что вернуться к ней, оставив князя на произвол судьбы, просто не сможет, вздохнул и стал думать о том, как обезопасить Игоря даже при нападении. Это он буквально заста-

вил князя надеть полный доспех, даже шлем, несмотря на жару, в Киеве уже листья с деревьев полетели, а здесь пекло, как летом. У Игоря хватило ума послушать своего помощника.

Пора отходить, но Свенельда с его варягами все нет. Игорь тревожно мотнул головой: не случилось ли чего? Но первые ладьи уже двинулись вперед, пришлось и себе пристраиваться. Русичи, толкая ладьи, тревожно оглядывались, все же шли по чужой земле. Но скоро усталость и пот, заливавший глаза, взяли свое, не осталось сил думать о возможности нападения, в головах засела одна мысль: скорее добраться до воды и спустить ладьи в Дон. Волоки везде тяжелы, а по степной жаре, с большим грузом, второпях – тем более. Своеобразный караван сильно растянулся. Передние чуть не скрылись с глаз, а последние только трогались с места. Правда, не все. Катков не хватило, пришлось самую малую ладью, почти лодку, бросить у берега. Из нее даже забрали не все, так много было награблено.

Откуда вдруг взялись всадники, никто не понял. Просто со всех сторон донеслось гиканье, и в степи закурилась пыль под копытами лошадей. В первую минуту показалось, что это наконец Свенельд со своими. Игорь даже успел подумать, как выругает варяга, чтоб не пугал, но быстро понял, что ругать Свенельда придется за другое. Нападали степняки, а часть дружины куда-то так и запропастилась!

Русичи остановились, не понимая, что происходит. Хазары не могли напасть, ведь ладьи шли по договору с их царем! Нарушить царскую волю для хазарина невозможно, она священна.

Но вопреки всем представлениям русичей нападали именно хазары, их лавина приближалась сразу с нескольких сторон, грозя с первых минут захлестнуть растянувшихся по степи славян, опрокинуть их защиту. Любомир заметил, как побледнел князь. Случилось то, о чем его предупреждал гонец хазарского царя: беки пренебрегли договором с Византией и решили пограбить русичей на обратном пути из Абесгуна. Сейчас Игорь был готов отдать все взятое в Табаристане и уйти восвояси с пустыми руками, но хазарам явно было мало богатств, они стремились уничтожить самих русов во главе с их князем! Нападавшие не отбивали добычу, они разили дружинников Игоря и стрелами, и, приблизившись, мечами.

Хазары, послушные воле своего бека, пробивались к князю. Вокруг Игоря тут же собрались все дружинники, кто не успел уйти далеко, засверкали клинки. Но их было так мало! Любомир отбивался сразу от нескольких нападавших. Сам Игорь рубился наравне со своими воями, но пешим против конных тяжело. Понимая это, русичи старались поразить прежде всего коней. Все же силы были неравны. Казалось, еще немного, и хазарская волна захлестнет ряды русичей. Хазары спешили и теперь наседали, стараясь окружить Игоря.

– Врешь, нас просто так не возьмете, хазарские псы! Князя я вам не отдам!

Злость удесятирила силы Любомира, он набросился на ближайшего хазарина, как зверь. Конечно, нападавшие не были арсиями, то есть лучшими воинами, охранявшими царя Хазарии, но все же одному против десятых сражаться тяжело.

– Ну иди, иди сюда, – подзывал к себе хазарина Любомир. Обветренное широкоскулое лицо степняка оскалилось злорадной ухмылкой. Чувствовал собака, что русичам деваться некуда, оттого и был храбрым.

– А-а-а! – Любомир со злостью рубанул мечом, но не сверху вниз, как ожидал хазарин, а слева направо, буквально перерубая того пополам. И тут же почувствовал, как левое плечо что-то обожгло. Видно, ударили стрелой. Спасла кольчатая броня, а еще то, что наконечник только скользнул, а не попал прямо. Любомир оглянулся на князя. Тот бился один против двоих. На ближнем к русичу хазарине тоже была броня, но вот ниже ее все открыто, и Любомир, не задумываясь, полоснул мечом по тому, на чем степняк обычно сидел во время пиров. К общему гвалту боя добавился истошный крик изуродованного хазарина. Любомир довольно кивнул, со вторым князь справится сам.

Но немного погодя понял, что Игорь бьется практически за его спиной, видно, окружили уже со всех сторон. Да где ж этот Свенельд?! Тоже мне княжий воевода, его князя убивают, а лучшая часть дружины куда-то запропала!

Злость на хазар и на Свенельда захлестывала Любомира. Но варяг был далеко, а хазары вот они! И русич дрался как варяжский берсерк Один за другим падали посеченные страшными ударами степняки. Постепенно противников вокруг них с Игорем заметно поубавилось. Одни не могли уже больше встать, но были и такие, кого сам русский князь волновал мало, гораздо больше интересовала добыча, захваченная в Абесгуне. Осознав это, Игорь скомандовал:

– Пробивайся к ладье, что осталась на берегу! Верно придумано, посуху им не уйти, может, хоть по воде получится? Тогда и мысли не появилось, куда уходить будут, главное, вырваться из этого сверкающего клинками кошмара, из круга перекошенных злостью хазарских лиц.

Держась плечом к плечу, им с Игорем удалось добраться до берега. Но хазары не отставали. Любомир понимал, что сесть в ладью и отплыть просто не дадут, побьют стрелами. Вдруг на глаза ему попался хазарин в роскошном одеянии, с дорогим оружием, видно, один из старших нападавших, бек. Такого стрелами свои бить не станут. Вместо того чтобы отбиваться от него, русич неожиданно метнулся навстречу и ловко перехватил за шею, повернув к себе спиной. Теперь богато одетый хазарин был для него щитом. Князь оценил ловкость Любомира и рассмеялся:

– Молодец! Беги под его прикрытием!

– Вот еще! – возмутился тот в ответ. – Вместе бежим!

Заслоняясь от хазарских стрел и мечей их же собственным беком, Игорю с Любомиром удалось сесть в ладью и даже отойти от берега. Теперь надо было как-то оторваться от оставленных на берегу, ведь хазары не бросят своего на произвол судьбы, значит, будут преследовать и выжидать момент, когда можно свести счеты с похитителями. Князь вдруг велел хазарину:

– Скажи, чтоб отстали, не то порешим тут же!

Приставленный к горлу бека меч помог тому понять русскую речь и без толмача. Он поспешно закивал и, хрипя, что-то закричал своим на берегу. Видно, закричал все правильно, потому как преследователи поотстали. Любомир похлопал перепуганного хазарина по плечу.

– Молодец, не станешь пакостить, мы тебя отпустим. Может быть...

Постепенно бой удалился настолько, что звон мечей уже не долетал до их ушей, слышался только неясный шум. Хазары на берегу тоже отстали. Князь кивнул на притихшего бека:

– Куда его? В реку?

Тот, видно, понял, о чем речь, затрясся, замотал головой, прося оставить жизнь. Любомир кивнул, оглядел пленника с ног до головы, ловко ободрал все золотые и серебряные украшения, какие нашел на его одежде, связал руки и затолкал в рот кляп из его же пояса. Немного погодя, чуть пристали к берегу, выкинули бедолагу на мелководье и поспешили унести ноги подальше от места сражения. Оглянувшись, Любомир увидел, как хазарин шлепает по воде обратно, пытаясь выпутать кисти рук из пут. Глупец, узел, которому научил Любомира варяг Онгерд, распутать не под силу и за полдня, не то что не глядя за спиной.

Но уплывать очень далеко не стали, понимали, что рано или поздно хазарина найдут, он не простит позора и постарается им отомстить. Русичи не знали, что хазарин постарается лишить себя жизни сам, чтобы не быть казненным у всех на виду и не навлечь беду на весь свой род. Царь Хазарии не прощал побежденных, тем более опозоренных.

Только Игорю и Любомиру было не до хазарских переживаний, самим бы ноги унести. Немного погодя Любомир предложил... ладью бросить и выбираться на берег, чтобы не искали на воде. Решение было верным, только куда двигаться по берегу, ни один из них не знал. Все же

они забрали оружие хазарина, его золото, то, что оставалось в ладье, когда ту бросили русичи, и, развернув, оттолкнули подальше. Ладья поплыла обратно к месту битвы.

Вот теперь они остались одни, почти без оружия, без коней, не имея понятия, где остальные и что делать. Пока отбивались и убегали, все было ясно, а теперь....

Кукушка считала чьи-то годы. Любомир усмехнулся: гляди-ка, в Хазарии тоже есть кукушки... И вдруг замер, придержав князя, чтоб не сделал лишнего движения или чего не сказал. Тот удивился:

- Что ты?
- Кукушка... – прошептал русич.
- Слышу, – согласился Игорь.
- Кукушка давно перестала подавать голос, прошло ее время... Это человек.

Для Игоря, выросшего в княжьем тереме, лесная наука была незнакомой. Приходилось полагаться на товарища по несчастью. Зато Любомир хорошо знал лес и его обитателей.

Они шли уже третий день, стараясь уйти из степей в леса как можно скорее. Хоронились и береглись открытых мест. То, что в лесу шел человек, кричащий кукушкой, Любомиру совсем не понравилось, это означало, что есть еще кто-то, кто не хочет, чтоб его видели, но подает знак. Ладно, если прячется сам, а если ищет их? Немного погодя они наткнулись на чужака, вернее, это они были чужаками, а лесной человек, возможно, местным. Любомир сделал знак князю, чтоб не высовывался и долго наблюдал. Человек был один и просто отдыхал, видно, сморила усталость. Приглядевшись, русич понял почему – на пеньке сидел старик. Согбенная спина, седые пряди волос... небось и глухой, как тот пень, на котором сидит. Не успел Любомир так подумать, как старец вдруг усмехнулся:

- Ну, выходи, чего прячешься? Думаешь, не слышу, как ты сопишь?

Любомир замер, ожидая, что на голос старика из окружающих зарослей кто-то выйдет, но вокруг было тихо. А человек снова усмехнулся:

- Эй, ты, не стой за спиной, выходи на свет, не обижу. Я же слышу, где ты стоишь.

Пришлось выйти. Тем более что старик говорил по-славянски! Откуда славянин, да еще и такой старый, в Хазарии? Спрашивать не пришлось, тот объяснил все сам:

– Я давно здесь живу. Вон там за лесом моя землянка. А ты из тех русичей, которых хазары недавно побили?

Вот откуда живущий в глухом лесу полуслепой старик мог узнать о разгроме русской дружины?

- Тебя как кличут?
- Любомиром.
- Любомир, не удивляйся, я знаю все. И скажи своему попутчику, пусть тоже меня не боится. Я вам зла не причиню. А дорогу в Киев покажу, чтоб по лесам не плутали зря. Пойдем.
- Я только напарника позову...

Честно говоря, Любомир просто не знал, как быть. Поверить старику? А если он заманивает их, чтобы отдать хазарам? Но идти дальше, не зная толком дороги, без огня, без оружия было тяжело. Боевым мечом не добудешь себе пропитания, не нарубишь дров для костра, не сразишься с диким зверем. И он решился, отправился к затаившемуся в кустах князю. Ничего не объясняя, позвал за собой. Все равно Игорь не поверит, он теперь никому не верит, кроме разве самого Любомира.

Старик ждал на том же пне. Его скрипучий голос приветствовал появление Игоря, хотя тот подходил также со спины:

- Будь здраве, князь.

Игорь замер, вопросительно глядя на Любомира. Тот только пожал плечами, объяснить, почему дед назвал его князем, было невозможно. Но никакого беспокойства, однако, не было, ну назвал и назвал....

– И ты будь здоров, добрый человек. Не знаю твоего имени.

– Полей я. Пойдемте.

Старик с трудом поднялся и заковылял по едва заметной тропинке в заросли. Любомир на всякий случай тихонько вытащил свой меч, мало ли что....

– Убери меч, здесь нет врагов, – прокричал старик, не оборачиваясь.

«Да что у него глаза на спине, что ли?!» – ужаснулся Любомир. Им с Игорем стало не по себе, так бывает, если в темноте натыкаешься на что-то непонятное и потому опасное. Потом на свету видишь, что это самая привычная вещь.

Шли осторожно, оглядываясь и прислушиваясь. Неожиданно вышли на небольшую поляну с холмом, с края которой из земли едва виднелась крыша, покрытая дерном. Старик направился к большому пню, стоявшему перед самым входом, но тут им навстречу выскочил огромный лохматый пес. Он не лаял, только зло и настороженно смотрел. Хозяин что-то приказал, собака отошла в сторону, освобождая дорогу пришедшим, но совсем уходить не стала, легла чуть подальше и принялась пристально наблюдать за происходящим. Любомир и Игорь поняли, обидеть старика пес не даст, но никто обижать и не собирался, напротив, гораздо больше боялись сами.

Старик показал им на небольшие поленья, лежавшие на земле:

– Садитесь. Сначала поговорим, потом поедим, а потом отдохнете. Не по обычаю, но не нам те обычаи соблюдать.

Сели, вытянув уставшие от долгой ходьбы ноги. Игорь не выдержал первым:

– Почему ты назвал меня князем? Старец усмехнулся:

– А кто ты, разве нет? Ты князь, и тебе говорил твой отец, чтоб не ходил через хазар. Не послушал, теперь вот сидишь один в темном лесу и не знаешь, что делать.

Любомир заметил, как вздрогнул Игорь после слов об отце. Как мог говорить маленькому мальчику про хазар Рюрик, если сам дальше Новгорода и носа не совал? Но показалось, что старец что-то угадал, князя не удивили эти слова, только голову опустил, точно и впрямь не выполнил наказ отца. Чудеса... Откуда было знать Любомиру, что настоящим отцом Игоря был князь Олег, и это он предупреждал сына о хазарах.

– Дружина твоя под хазарами полегла, только Свенельд со своими остался. Если он доберется до Киева раньше, тебе туда и идти ни к чему будет.

Русичи смотрели на говорящего во все глаза. Они уже не удивлялись, что лесной человек знал даже имя варяжского воеводы. Тот усмехнулся:

– Я вам помогу.

Тут Игорь подал голос:

– Почему ты хочешь помочь мне, киевскому князю, побитому хазарами?

– Не хочу, чтоб Русью Свенельд правил. Я их придержу, повожу кругами, чтоб ты успел до дому добраться. Только смотри, не наделай глупостей. Не слушаешь тех, кто тебе добра желает, потому и беду на себя зовешь.

Больше старик ничего объяснять не стал, просто позвал в землянку. Там было тихо, чисто и почти темно. Запалив лучину, хозяин достал откуда-то из угла большой кусок хлеба, запеченную рыбину и поставил перед неожиданными гостями жбан с медом. Любомир удивился и хлебу, и меду. Кто ему еду варит? Старик объяснил:

– Есть добрая душа, живет недалеко, приходит и приносит.

Расспрашивать подробнее не решились. Попили, поели, хозяин убрал со стола и вдруг взял в руки уголек:

– Сейчас покажу, как идти надо.

Любомир снова поразился – откуда уголек, если в землянке и печь-то не топлена?

Рука старика была твердой, он вел линии на столе уверенно, словно занимался этим каждый день.

Вскоре на досках протянулся Итиль, изогнулся дугой Дон, обозначилось Русское море, наконец, Днепр, и на его изгибе Любомир узнал Киев. Казалось, до дома так близко, но они хорошо понимали, туда идти и идти....

Кроме нарисованного на столе, старик велел перенести все и на бересту. Когда Любомир сделал это, еще добавил Сейм, Псел и несколько более мелких речек, чтоб не плутали. Хозяин землянки дал с собой топор, большой охотничий нож, лук с полным тулом стрел на зверя и кресало, чтоб высекать огонь. Любомир усмехнулся – царский подарок!

Когда уже все было сказано, глаза старика вдруг чуть лукаво блеснули:

– А ты молодец, сообразил про кукушку.

Он повернулся к князю.

– Это твой брат названный, слушай его советов, он плохого не скажет. А еще слушай свою разумную жену. И не верь чужим. – Чуть помолчав, добавил: – Отец твой волхвов слушал и был мудрым.

Князь круто повернулся и, не прощаясь, шагнул в лес. Губы старика тронула едва заметная усмешка, он махнул рукой Любомиру:

– Спеши, догоняй.

Отошли еще не очень далеко, но Игорю вдруг пришло в голову спросить у старика, как быть со Свенельдом, когда варяг придет в Киев. Любомир пытался убедить князя не возвращаться, но тот настаивал. Сколько ни плутали, заветной полянки не нашлось, даже пня, на котором сидел старик, тоже не было. Лес стоял стеной. Вдруг уставшие путники снова услышали кукушку. Она считала года там, куда им следовало идти по рисунку старика. Любомир выразительно посмотрел на Игоря, так недолго и беду на себя накликать! Князь подчинился.

Они шли долго, очень долго, а в Киеве узнали: кто-то сообщил воеводе Асмуду, что дружина разбита, но князь спасся. Кто это сделал, воевода так и не смог вспомнить. Беглецы молчали, хорошо понимая: постарался старик из леса.

Глава 6

Игорь и раньше большую часть времени проводил вне терема, правда, тогда был жив Вещий Олег. Великого Олега боялись все – и свои, и особенно враги, за ним было не страшно. Но Олега нет, подняли головы и примученные им племена, и те же хазары. Игорь ушел в поход, а Ольга уже в Киеве одна с маленьким сыном. Вот и заламывает руки молодая княгиня, ей не с кем посоветоваться.

Ольга вдруг вспомнила, как в трудные минуты Вещий Олег садился перед горящим костром или просто любым огнем и точно беседовал с ним, слушал... Сварожич подсказывал Вещему князю выходы из самых тяжелых положений. Но Олег был язычником, верил в Перуна, Сварога, Белеса, а Ольга...

Княгиня вдруг кликнула гридя, какой всегда бывал в гридне. Дверь в трапезную осторожно приоткрылась, она увидела лицо, но не гридя, а ближнего холопа Тимошки. Это даже лучше, княгиня Ольга приказала разжечь огонь.

Глаза рыжего, конопатого холопа изумленно расширились, ведь тепло, в княжых покоях наверху тоже. Сыровато только в нижних переходах терема, там, где каменный пол и куда мало попадает свет. И в трапезной тоже тепло. Что это, почему княгине зябко? Но переспрашивать не рискнул, побежал во двор за поленьями. Зосима, у которого Тимоха спросил про дрова, тоже удивленно уставился на холопа, но, похлопав темными густыми ресницами, смолчал.

Велено – значит, надо делать. Молодая княгиня повторять не любит, поруб вон недалеко. Ольга велела развести огонь в ложнице на верхнем ярусе терема, чем окончательно испугала ближних холопов. Но уж на челядь княгиня никогда внимания не обращала...

Огонь действительно успокоил, но не отвлек от тяжелых мыслей. На огонь и текущую воду можно смотреть бесконечно, они меняются каждое мгновение, как сама жизнь...

Ольга пробовала рассуждать здраво. Чего она боится? С Игорем опытный воевода, он нутром чувствует опасность. Этот хитрый и осторожный, хотя и жестокий, варяг никогда бы не сунулся через Хазарские степи на Абесгун, если бы того не стоило. Княгиня не могла понять, для чего нужно мужу идти за данью так далеко, когда дома под боком вон что творится.

Придя в Киев, князь Олег первым делом примучил соседние племена. Древляне оказались самыми непокорными, но и были обложены самой тяжелой данью. Сидели при Олеге тихо, терпели, но стоило Вещему умереть, как тут же подняли голову, отказались и дань платить, и воев на рать давать, точно не под Киевом ходят... Князю Игорю пришлось снова ходить на непокорных. Дань назначил много большую, чем при Олеге. Те вроде и согласились, а стоило князю скрыться за поворотом реки, как слово свое позабыли. Дани не платят, власти Киева не признают.

За окном тревожно кричала птица, будто предвещающая беду. Ольге стало совсем не по себе, она снова поднялась и нервно прошла по ложнице. Что делать? Как долго будет муж в степях? А если завтра на Киев придут набегники? Она вдруг отчетливо поняла, что боится за себя, просто боится. На нижнем этаже раздался шум, внутри у Ольги все похолодело, он мог означать все, что угодно. Может, потому ей так беспокойно?

Но молодая княгиня взяла себя в руки и дождалась, когда в дверь ложницы сунется ближняя девка. Спокойно посмотрев на ее испуганное лицо, Ольга так же спокойно спросила:

– Что?

– Там... воевода Асмуд...

– Зови.

Сердце ухнуло: «Все. Случилось что-то страшное».

Войдя в ложницу, Асмуд плотно прикрыл за собой дверь, это означало подтверждение худших опасений. Ольга отвернулась к окну, чтобы воевода не увидел дрожащих губ. Она

выслушала сообщение о том, что русские разбиты хазарами, также стоя к нему спиной, и постаралась, чтобы голос не выдал ужаса, бьющегося внутри:

– А князь?

Асмуд еще понизил голос:

– Бежал, княгиня. Спасся, бежали они...

Ольга с трудом удержалась, чтобы не упасть, дрожали ноги. В голове бились мысли, одна другой страшнее. Дружина Игоря разбита, он сам бежал... Князь в опасности, доберется ли до дома? Если об этом узнают древляне, то и добираться будет некуда, Мал своего не упустит. Сейчас дани не платит, понимая, что князь далеко, а если станет известно, что дружина Игоря побита, его дружина встанет у киевских стен тут же.

Она не могла бы сказать, сколько прошло времени, долго ли молчала после ответа Асмуда, наверное, нет, потому что воевода ничего не успел добавить. Скорее всего, внутри у нее уже все созрело, понадобилась только страшная весть. Ольга повернулась к Асмуду. Воевода увидел бледное, но спокойное лицо со сжатыми губами и горящими сухими глазами. Лишь по тому, как с трудом разлепила губы княгиня, понял: ей тяжело.

– Как скоро сможешь привести новгородцев?

– Что? – не понял Асмуд. О чем княгиня? К чему ей сейчас новгородцы?

Ольга швырнула в сторону плат, что держала в руках. Такой Асмуд видел ее впервые, перед воеводой стояла Хозяйка, которой нельзя было не подчиниться. Губы снова были крепко сжаты. Они также с трудом разомкнулись, точно княгиня боялась сказать лишнее.

– Мне нужна новгородская часть дружины! И еще сделай так, чтобы древляне не узнали про князя. Головой отвечаешь!

Асмуд склонил сидящую голову.

– Да, княгиня. Новгородцев сюда?

Ольга уже чуть успокоилась и немного тише ответила:

– На Мала пойдем. Надо сейчас прижать, после поздно будет.

Асмуд мысленно ахнул, а вслух только переспросил:

– Без князя?

Неужели эта женщина сама поведет дружину? Да и у Мала силы много больше. Конечно, Ольга права, если сейчас не примучить Мала, завтра он сам примучит Киев, но все же... все же...

Ольга сама понимала, что дружине пойти за женщиной будет сложно. Решение пришло мгновенно:

– Святослав поведет....

– Кто?! – Асмуд не поверил своим ушам. Святославу только три года, его самого на коне держать надо. Как вести дружину мальчику?

– Поведешь ты, а Славик пусть хотя бы копьё бросит.

Умница, какая же она умница! Но вернется князь, что он скажет? Конечно, Асмуд – воевода, оставленный Игорем для охраны и защиты жен и детей, но не для похода же на древлян!

Ольга поняла сомнения воеводы по-своему – боится древлян.

– Я знаю, что у Мала сил много, перехитрить надо.

– А князь что скажет? – высказал вслух свои сомнения Асмуд.

Ольга фыркнула в ответ:

– Князю еще вернуться надо! – И тут же добавила, осознав, что слишком откровенна: – Князю Игорю я сама скажу.

«Ты-то скажешь, да только ты – жена, а я всего воевода, и не первый», – с тоской подумал Асмуд, но возражать не стал.

Выйдя из терема, где жила со своим сынишкой Ольга, Асмуд ломал голову, как поступить. Двум другим женам князя он и говорить пока ничего не стал, те сидят в теремах молча.

И будут сидеть, дожидаясь своей доли. А эта хоть и молода еще, но властности ей не занимать. Асмуд вдруг отчетливо понял, что, если не вернется князь Игорь, править будет Ольга. У нее хватит сил взять власть в свои руки.

И воевода мысленно махнул рукой: «Была не была!»

На древлянской земле чтят тех же богов, говорят на том же языке, носят такие же имена, что и в Киеве. Но у них свой князь Мал, которому совсем не нравится подчинение киевлянам. Мал ровесник Игоря, так же силен, если бы его предков не примучил когда-то князь Олег, то сейчас древляне бы собирали дань с полян, а не наоборот. Почему это не произошло раньше? Поляне ходили при Аскольде под хазарами, степняки были очень сильны, они и сейчас не слабы, но уже не те. Киевский князь тогда стал тадуном Хазарии не зря, он понял, что пойдет или под хазар, или под древлян. Но степняки далеко и набегают не каждый год, а древляне рядом, от них покоя не будет ни днем, ни ночью. Пока древляне думали, Олег взял под себя и полян, и их самих и хазарам дань платить перестал. Подчинились, но смириться не смирились, и тлеет этот огонек недалеко от Киева, готовый в любую минуту превратиться в страшный пожар и смести киевскую власть.

Это хорошо понимали все, но князь Игорь после нового набега на древлян ушел через хазар к Абесгуну и вот теперь возвращался практически без дружины. Если об этом узнает Мал, Игорю идти будет некуда. Мал к Киеву ближе, чем Игорь, и у него много воев. Ольга решила опередить Мала? Все верно, только как воспримет это дружина? Варягами никогда не командовала женщина. Хотя она сказала, что дружину поведет маленький Святослав. Такого тоже не бывало, но ни у Ольги, ни у дружины нет другого выхода. Пока вернется князь Игорь, будет поздно.

Асмуд поторопился выполнять волю молодой княгини.

Позже летописи напишут об этом, что маленький Святослав, сидя на лошади, бросил копье в сторону врага. Поскольку мальчик был совсем мал, копье с трудом перелетело через ее уши и едва не поранило кобыле ногу, но начало было положено, дальше в дело вступила дружина. Древлян разбили.

Асмуд предлагал бросить маленькое детское копье, которым Святославик управлял уже хорошо, но Ольга настояла на настоящем большом. Малыш, которого и на лошадь-то посадили совсем недавно (Асмуд еще ожидал выволочки от князя Игоря за то, что сделали это без отца), боялся и кобылы, и копья, и большого числа вооруженных людей. Но рядом была мать, Ольга стояла у самого крупы лошади, касаясь своим плечом ножки ребенка, всячески подбадривала Святослава, и тот бросил тяжелое копье. Гордая за сына, княгиня оглядела ратников своими синими блестящими глазами и привычно вскинула голову.

Асмуд немедленно поддержал княгиню:

– Вперед! Князь начал, поддержим же князя! Святослав сделал попытку помчаться вслед за взрослыми, толкнул ножками свою лошадь. Но силенок у мальчика было еще мало, а Ольга обеими руками вцепилась в стремя, чувствуя, что лошадь пытается уйти вперед. Это же учуял и помогавший дружинник, схватил поводья и осторожно придержал, чтоб не встала на дыбы. Княжич возмущенно лупил кобылку по бокам, а гридь хлопал по шее, успокаивая. Ольга наконец поняла, что ребенка надо остановить, не то его лошадь действительно послушает всадника и уйдет в галоп за остальными.

– Князь, успокойся! – Голос матери, несмотря на волнение, звучал спокойно. Она впервые назвала сына князем. Дружинник замер. Какой Святослав князь?! Неужели? Это могло значить только одно – князя Игоря нет в живых. Но раздумывать было некогда, гридь успокоил лошадь, помог Ольге снять с седла ребенка и посадить на другую, ту, на которой ехала она сама. Княгиня отправилась не вслед за дружиной, а подальше от нее, несмотря на все протесты Святослава. Тому очень хотелось посмотреть, как станут рубиться взрослые воины.

Ольга закрывала его глаза рукой, чтоб не смотрел на кровь и людские мучения, а он сбрасывал эту руку, уворачивался, его возбуждал вид крови, опускающихся на головы дружинников мечей и копий, пробивающих тела насквозь. Княгиня, уже поняв, что победа будет за Асмудом, повернула лошадь с места боя, а княжич все оборачивался, стараясь подглядеть. Мать коробил этот интерес маленького мальчика к жестокости боя, к виду льющейся крови, но она хорошо понимала – этого не избежать, только рано ему такое видеть.

И все же Ольга гордилась Святославином. Она вырастила сына, способного заменить отца!

Тем горше ей были слова князя Игоря после его возвращения. Муж кричал, что она много воли на себя взяла, что рисковала жизнью маленького сына, что теперь Святослав будет жить при нем в Киеве, а Ольга снова в своем Вышгороде! И это вместо благодарности за спасение Киева, за то, что побили древлян, за то, что смогла воспитать сына, сумевшего даже таким маленьким постоять за себя и свой род!

Ольгу душила обида, но у молодой княгини ходили желваки, она стиснула зубы, а слез не было. Князь Игорь, который остро переживал поражение от хазар и позорное бегство, понимал, что несправедлив, от этого становилось еще тошнее, и он все свое бессилие совершенно незаслуженно выплескивал на жену.

Княгиня, побледнев, спросила, может ли попрощаться с сыном. Конечно, в этом Игорь ей отказать не мог. Мать что-то говорила мальчику по-фризски, держа его за худенькие плечики, что-то наказывала. Тот кивал светлой головкой, стараясь сдержать слезы. Ольга снова что-то говорила, и малыш смог побороть себя, гордо вскинул подбородок. Видевший это Асмуд сам скрипел зубами, князь отнимает у жены ее единственную отраду, ее сына. Это неправильно, Ольга воспитала княжича хорошо, добрый князь будет. Но воевода, да еще и не первый, не может диктовать волю князю, а дружина рада тому, что княжич будет с ними.

Ольга уехала в Вышгород на этот раз даже без Асмуда, Игорь решил, что княгине ни к чему ее часть дружины. Позже он, смягчившись, вернул Ольгину дружину, тогда, возможно, у него просто не было своей, polegшей в степях между Итилем и Доном. Между супругами снова легла непреодолимая пропасть. Княгиня на какое-то время вообще перестала с кем-либо разговаривать, у нее отобрали единственную надежду – ее сына!

За княгиню вступился названный брат князя Любомир. Только ему позволялось говорить против воли Игоря, но и тогда князь не смягчился. О чем они беседовали, не знал никто, только Любомир исчез надолго и вернулся в Киев не скоро.

Глава 7

Время лечит, больше не надеясь на возможность возвращения в Киев, Ольга все старательней обустроивала жизнь в Вышгороде. Князь Игорь снова присылал к ней за советом со всеми хозяйственными вопросами, время от времени сообщал, что Святослав здоров и весел. Асмуд, понимая, как беспокоится Ольга, с каждым, кто ехал в Вышгород, отправлял ей весточку про сына. Главной проблемой для мальчика стало то, что он почти не откликался на имя Святослав, продолжая твердить, что мать зовет его Людбрантом. Игорь скрипел зубами, иногда даже кричал на сына и приказал всем называть его только славянским именем. Постепенно и Асмуд стал реже присылать своих гонцов, и сам Святослав привык к имени, и Ольга чуть успокоилась. В конце концов это судьба всех матерей, растивших сыновей, мальчиков забирают в дружину, только ее ребенка взяли очень рано. Но она сама рано поставила его во главе дружины, точно подтолкнула.

Чтобы заглушить тоску по сыну, Ольга старалась не давать себе покоя с раннего утра до глубокой ночи. И все же по ночам княгиня не могла не думать о своей судьбе. Все чаще вспоминала отца, твердившего, правда, не ей, а братьям, что жизнь переменчива, она поворачивается то одним, то другим боком. И если сейчас плохо, не унывай, старайся встретить хорошую полосу готовым, иначе можешь и не заметить, что она уже настала. Ольга старалась.

И все чаще приходило сознание, что ее муж неудачник. Князь Игорь сидел за старшим князем Олегом как за каменной стеной, наставник правил много-много лет после смерти Рюрика, а Игоря все учил и учил... Пора бы научиться, да, видно, не может человек поумнеть чужим умом, сам должен набить все синяки и шишки на лбу, сам должен опыта набраться. У князя хорошие подсказчики, но их нужно уметь услышать, понять, кто дело советует, а кто только себе на пользу. Вон Свенельд лишь о себе и своих варягах думает, о русичах и мысли нет, потому старается взять дани побольше, набить кладовые повыше. Ольга Свенельда побаивается, для княгини лучше Асмуд, но сила у Свенельда, и если она хочет власти, должна с варяжским воеводой не ссориться. Князь воеводу тоже опасается. Иногда Ольге казалось, что, будь она на месте Игоря, сама бы повела дружину, даже варяжскую. Но Ольга женщина, ее удел не рать и дружина, а хозяйские дела делать.

Она помнила рассуждения о том, что если людин, растящий хлеб или лен, пасущий скот или собирающий мед, сыт, если у него есть изба и он при коне, будут и в княжеских клетях припасы, на княжьем столе хлеб и мед. Если же обнищают люди, то и князьям грозят неисчислимы беды. И молодая княгиня старалась организовать хозяйство, не только обустроивала княжий двор, расширяла амбары, медуши, княжескую пашню, но и ездила по близлежащим весям, наводя порядок там.

Игорь краем уха слышал о делах своей жены, но его заботило другое: узнав о смерти князя Олега, головы подняли один за другим воинственные соседи. Поход на Абесгун показал, что доверять нельзя никому. Что же, его судьба все время воевать с соседями? Нужен был поход к грекам в Царьград. Нет, Византия не грозила войной или другими бедами, но от нее зависело, не нападут ли подкупленные степняки, будет ли торг. Но князь не мог уйти из Киева, это опасно. В душе он был благодарен Ольге за поход против древлян, хотя и никогда не признался бы в этом, но мысль о том, чтобы еще раз оставить княгиню во главе Киева, ему даже в голову не приходила. Тем временем рос Святослав, ему уже исполнилось четыре года...

Любомир вернулся в Новгород. Он не смог выносить ни обращения Игоря со своей женой, ни горя Ольги из-за отдаленности от любимого сына. Правда, перед отъездом попытался поговорить с любимой.

Ольга постаралась держать себя княгиней. Любомир вспомнил слова старика о разумной жене и почему-то улыбнулся. И впрямь разумная. Только вся словно неживая. Вдруг захотелось прижать ее к сердцу, поцелуями растопить ледяную корку, покрывшую сердце, заставить гореть, отвечать на ласки, не задумываясь, что будет потом. Но Ольга спокойно выдержала его огненный взгляд и только чуть улыбнулась. Женщина, хорошо чувствующая свою власть... Власть над всеми, кто рядом с ней, власть над мужчиной по имени Любомир... Любомиру стало очень горько, так не смотрят на любимых.

Если бы он только мог знать, какие мысли в это время терзали княгиню! Как ей хотелось действительно, забыв обо всем, прижаться к его плечу, погладить рукой чуть выющиеся светлые волосы, почувствовать вкус его губ.... Но она была княгиней, и перед ней стоял один из дружинников князя. Пусть Игорь назвал Любомира братом, это из-за чудесного спасения в Хазарии, все равно он дружинник. И Ольга, стараясь не выдать своих мыслей, ровным голосом поинтересовалась, куда собрался Любомир.

– В Новгород, княгиня.

– Надолго? По княжьему поручению?

– Насовсем. Князь здесь ни при чем.

Узкая бровь Ольги чуть приподнялась. Мало кто знал, что так она скрывает свою досаду.

– Что так? Князь мало платит?

– Мне не нужна его плата.

– А что тебе нужно?

И тут Любомир не выдержал, не думая о том, что сделает Ольга, он вдруг схватил ее за плечи:

– Очнись! Зачем тебе такая жизнь?! Ты не любишь и не любима князем, он даже сына у тебя отнял! Неужели власть стоит этого? Игорь отпустит, ты дала князю то, чего он от тебя ждал, – сына, довольно! Поехали со мной, я сделаю тебя счастливой.

Она высвободилась из его рук, слегка повела плечом, точно освобождаясь, и усмехнулась:

– Где? В Плескове?

– Тебе нужен Киев? А если Игорь вообще тебя туда не позовет?

Любомир ожидал чего угодно, только не следующих слов Ольги:

– Останься в Вышгороде....

– Для чего?

– Не оставляй меня одну.

Она все-таки прижалась к его плечу. И почувствовала на своих губах его горячее дыхание. И погладила рукой чуть выющиеся светлые волосы. Но не больше. Княгиня всегда владела собой и сейчас смогла вовремя остановиться.

Любомир проклинал свою зависимость от этой женщины и ничего не мог с этим поделать. Он остался. Непонятно на что надеясь, снова был рядом с ней.

Но уже на следующий день Ольга разговаривала с Любомиром так, словно они едва знакомы. Тот мысленно усмехнулся: челядь должна знать свое место? Зачем она держит любящего человека точно на привязи, и к себе не приближает, и воли не дает?

Ольга услышала, как на дворе девки придумали развлечение – гоняли до упаду молодого щенка. Глупый песик, отчаянно лая, пытался перехватить плат, который те передавали друг дружке. Всем было весело – и девкам, и щенку, и тем, кто на них глядел. Сидеть в тереме скучно, все распоряжения на сегодня уже отданы, рукоделием заниматься не хочется, и Ольга вышла на теремное крыльцо посмотреть на забаву.

К щенку присоединилась одна из холопок, игра переросла в другую, теперь по двору уже с визгом гонялись несколько человек. Другие стояли, наблюдая и подбадривая.

Среди стоявших Ольга увидела Любомира, тот весело смеялся. Княгиня поневоле залюбовалась, как все же хорош! Теплый ветерок шевелил золотистые волосы, серые глаза блестели, сильные ноги твердо стояли на земле, сильные руки так и хотелось обвить вокруг своих плеч. Недаром ни одна из бегавших девок не пропустила Любомира, каждая норовила хоть глазами да стрельнуть, если уж не удавалось коснуться плечом. Княгиню задело такое внимание челядинок к ее другу, узкие губы поджались. Это не сулило челяди ничего хорошего, но в пылу игры никто не заметил недовольства Ольги. Зато ее увидел Любомир, увидел ревнивый блеск глаз, то, как пристально наблюдала за игрой княгиня. И тут он, вовлеченный во всеобщее веселье, вдруг обхватил одну из холопок, прижал к себе и крепко поцеловал в губы! Уже отпущенная обомлевшую девку, скосил глаза на теремное крыльцо. Ольга, безмолвно стоявшая до сих пор, фыркнула, точно кошка, и, резко повернувшись, почти бегом бросилась в дом. Веселье во дворе продолжалось. Остальные холопки завопили, требуя целовать и их! Любомиру с трудом удалось выбраться из цепких объятий красавиц.

Ольга мерила шагами трапезную, нервно щелкая пальцами. Что он себе позволяет?! Как мог Любомир променять ее на простую челядь?! Княгиня боролась с желанием отпраздновать в поруб всех без исключения девок, смотревших на ее друга. Любомир остановился на пороге трапезной, ожидая разрешения войти. Ольга раздраженно кивнула, чтоб проходил. Русич ждал, что она начнет выговаривать, но княгиня молчала. Тогда сам Любомир вдруг попросил:

– Дозволь, княгиня, уехать в мою вотчину, в Плесков.

– Почему?

– Не нужен я здесь, а там при деле буду.

– Не хочешь быть при мне? – вскинула голову Ольга, глядя прямо в глаза Любомиру.

Тот спокойно выдержал взгляд, голову не опустил.

– Не хочу.

Неизвестно, чем закончилась бы беседа, но в трапезную заглянул ближний холоп, сказать, что привезли дань. Любомиру показалось, что Ольга даже обрадовалась этому неожиданному повороту, согласно кивнула холопу и велела другу:

– Зайди потом, поговорим.

«Потом» оказалось ложницей. Не так часто Ольга допускала к себе в ложницу кого бы то ни было, а уж Любомира тем более. Почему? Боялась, что с собой не справится? Наверное.

Русич пришел, спокойно ждал, чтоб начала говорить сама. Он уже твердо решил для себя, что уйдет в Плесков, женится на доброй, красивой девушке и будет счастлив. Княгини не для него.

Ольга принялась как ни в чем не бывало расспрашивать о делах, о том, чем занимался днем, не напоминая ни о виденном, ни о его просьбе отпустить. Любомир ответил, что собирался, потому как скоро ехать.

– Куда?

Русич пожал плечами:

– Домой. И так я загостился в Киеве.

Княгиня отвела глаза в сторону:

– Ты не в Киеве.

– Но и не дома. Там хоть дело есть.

– Какое?

Да что ж она жилы тянет?! Точно собака на сене – и самой не нужен, и другим не отдает. Любомир поднял глаза и, глядя княгине в лицо, твердо произнес:

– У меня там большой двор, много людишек. Семейю заводить пора, братья давно уже с детками, один я бобылем.

Похоже, последние слова полоснули Ольгу по сердцу. Опустила глаза, и без того узкие губы сжались ниточкой, на щеках выступил неровный румянец. Любомир подумал о том, насколько похорошела Ольга после рождения сына. Материнство красит любую женщину, тем более ее сын единственный среди девочек, рожденных другими женами князя. Казалось, можно и успокоиться, но Ольгу точно что-то съедало изнутри. Любомир вздохнул – ее не переделывать, зачем тогда он сидит подле и мается сердцем? Сколько можно вести речи об отъезде в Плесков? Неужели у нее воли больше, чем у него?

– Прощаться зашел, завтра поутру уеду. Будь счастлива, княгиня, пусть сбудется все, что ты хочешь!

Ольга молчала. Любомир повернулся. Следующие мгновения длились, казалось, вечность. Он сделал шаг к двери, второй...

– Останься... – попросила беззвучно, одними губами, он услышал скорее сердцем. Оглянулся, руки обвились ее стан, губы приникли к губам. И было все равно, что кто-то может услышать, догадаться... Услышала верная ключница, что шла спросить о завтрашнем дне, но, все поняв, заступила другим дорогу в ложницу, стерегла до самого утра. Пусть отогреется сердцем, может, станет помягче?

Еще не начало светать, когда Любомир тихо высвободил руку из-под головы Ольги, поднялся, разглядывая в полутьме любимое лицо, ласково погладил светлые, разметавшиеся от жарких объятий волосы. Та что-то пробормотала во сне, отвернулась на бок, оголив спину и красивое крутое бедро. Любомир, борясь с искушением сдернуть меховую накидку совсем, поспешно укрыл княгиню до самой шеи, хотя в ложнице было тепло, и стал одеваться.

Дверь из ложницы подалась не сразу, стараясь не шуметь, Любомир подналег, чувствуя, что ее что-то держит со стороны перехода. Сквозь появившуюся щелку увидел, что там поднимается с пола, поспешно одергивая подол, ключница, та самая, что когда-то не позволила им наделать бед в юности. Неужели попались?! Но Владица приложила палец к губам и показала на соседнюю дверь:

– Иди за мной....

Пришлось подчиниться. За той дверью оказалась ее каморка, имевшая выход прямо во двор. Даже если кто и увидит, то решит, что Любомир миловался с челядинкой. Русич оглядел ключницу, а что, ничего, бедра тоже крутые, и грудь вон как вздыбила платье. Стало почему-то весело.

Утром Ольга старалась не смотреть в сторону Любомира, а тот не попадаться ей на глаза. Зато к вечеру вдруг подошла Владица и кивнула:

– Приди, как стемнеет...

Всю неделю он тайно приходил и уходил через каморку ключницы. А потом... потом вдруг приехал князь. Все трое перепугались – а ну, как кто все же выследил и донес? Но оказалось, что зря, Игорь приехал по делам. Удивился, что Любомир до сих пор не в своем Плескове. Пришлось сослаться на якобы больную ногу, мол, залечит и поедет.

Князь пробыл всего четыре дня, из которых Любомир видел Ольгу только дважды, и то на людях. Потом они уехали пока что вместе – Игорь догонять дружину, ушедшую в полюдье, а Любомир в Новгород. Ольга, провожая, стояла на крыльце и махала рукой непонятно кому – то ли мужу, то ли любовнику.

Жениться в Плескове Любомир не смог, не позволили воспоминания о горячем, жадном до ласки теле княгини.

Глава 8

Когда старшей княгине донесли о рождении сына у варяжки, щеки женщины вспыхнули огнем, это означало полную победу молодой соперницы! Князь Игорь бредил сыном, даже к дочкам ездил ныне редко, а уж о женах совсем забыл. Теперь варяжка возьмет свое, говорят, в Вышгороде распорядится так, словно она хозяйка, а не муж. Сначала Прекраса надеялась, что и этот мальчик, как сын болгарки, проживет недолго, но шел год за годом, а маленький Святослав уже и на коня сел. Прекрасе сказали, что посадила его мать, а не отец, когда вместе с Асмудом ходила на древлян. Такого на Руси не бывало, чтоб женщина распорядилась вместо мужа в его отсутствие! Случись что с ребенком, Асмуду не сносить бы головы, но древляне не ожидали подобного поворота событий и уступили молодой княгине. Правда, вернувшись, князь Игорь корил жену за самовольство, даже отобрал у нее сына, саму вернув в Вышгород.

Но Прекраса хорошо понимала, что все равно сын есть только у варяжки, а у них с болгаркой одни дочери. И за это Игорь рано или поздно простит свою строптивую младшую жену.

От мыслей ее отвлекли быстрые шаги по переходу, кто-то шел в ложницу. Княгиня подбрасывалась, хотя и хорошо понимала, что шаги женские, а не мужские, значит, не князь. Сердце чуть дрогнуло, вдруг это от него? В дверь заглянула ближняя девка Аринья:

– Княгиня, к тебе...

– Ну? – почти разозлилась Прекраса. Что она не может сразу сказать, что идет князь?!

Но Аринья чуть засомневалась, как сказать, потом тряхнула головой:

– К тебе болгарка эта идет. Пускать?

– Болгарка? – изумилась Прекраса. Никогда Яна не бывала в ее тереме, сидела в своем, не претендуя на место близ князя. – Зови.

– Ага, – зачем-то согласилась Аринья, и ее толстое, вечно заспанное лицо исчезло.

Зачем болгарке вдруг понадобилась княгиня? Прекраса почему-то княгиней мысленно звала только себя, точно Яна и не была женой князя. Та вошла, коротко кивнув, и остановилась у двери, прямая, стройная, темноглазая и темноволосая – полная противоположность Прекрасе. Княгиня кивнула в ответ и жестом пригласила садиться на лавку. Что ей надо? Мельком Прекраса заметила, что болгарка снова тяжела, причем уже заметно, сердце тоскливо зашлось, значит, князь бывал-таки у Яны в ложнице.

Яна села на край лавки, но не решалась говорить. Старшая княгиня решила помочь.

– Как девочки, здоровы ли? Яна снова коротко кивнула:

– Здоровы.

И вдруг ее глаза расширились, оглянувшись на прикрытую дверь, она почти шепотом зачастила:

– Сын варяжки растет не по дням, а по часам... Здоровенький, крепкий...

Прекраса согласно кивнула, не понимая, к чему та клонит.

Яна снова вся сжалась, потом наклонилась ближе к старшей княгине и уже шепотом добавила:

– Я что узнала... Извести его хотят...

– Кто?! – ахнула Прекраса.

– Про то не ведаю, – почти жалобно пролепетала болгарка.

– А откуда знаешь, что хотят извести?

– Разговор слышала, за стеной то было, чей голос, не знаю, только подсыплют князю вместе с княжичем яду.

Прекраса помотала головой, нет, ну кому это может быть нужно?! Ладно бы одного князя, а то вместе с сыном извести хотят? А Яна продолжала:

– Как сказать князю? И слушать не станет ведь, за дуру держит.

В голосе младшей княгини звучало почти отчаянье. Старшая вдруг кивнула на ее живот:

– А тебе скоро?

– Да, – кивнула Яна и почти горестно добавила: – Снова дочка.

– Откуда ты ведаешь?

– По всем приметам видно, прежде так было, только один сын по-другому себя вел. А у варяжки сын...

Вот именно это – отсутствие сыновей и то, что варяжка такого родила, – и объединяло сейчас княгинь. Они долго сидели, гадая, что теперь делать. Ни той, ни другой в глубине души не хотелось спасать ребенка, только страшно было за князя. Вдруг Прекрасе пришла в голову жуткая по своей сути мысль, и она посоветовала подруге по несчастью:

– Князю ничего не говори. Я ему передам, чтоб был осторожней, а ребенка он и так бережет пуще ока собственного.

Яна уходила успокоенная, она была не одна, теперь пусть отвечает за такое страшное знание старшая княгиня, младшая должна слушаться, потому будет жить как жила, ни во что не вмешиваясь, и так уже испугалась, когда тот разговор услышала.

А Прекраса после ее ухода долго не могла успокоиться. Князя хотят извести? И вдруг поняла, что ничего никому не скажет, будь что будет! Оставалось только ждать. Сердце Прекрасы ожесточилось давным-давно, когда она так же случайно подслушала, как муж собирается подсыпать яд своему наставнику. Подсыпал ли, не знала, князь Олег уплыл в Ладогу, и там его уклонула змея, выползшая из черепа много лет назад забитого коня. Так и предсказывал князю волхв, что погибнет от коня своего. Олег поверил, велел забить Фарси, но вот, поди ж ты, как судьба повернула... И все же у Прекрасы осталось нехорошее чувство, в глубине души сомневалась, что князь Игорь не выполнил той угрозы. Теперь хотят извести его сына... Если доля, то не возьмет его яд, а если недоля, то береги не береги – сгинет человек.

И Прекраса промолчала о том, что узнала от второй жены князя.

Глава 9

Уже наступила весна, она бурлила, природа еще раз совершила круг своей благодати. Все не просто ожило после зимней стужи, но дало всходы, рвалось к новой жизни. Сама земля радовалась вместе с людьми.

Ольга выехала посмотреть, как встал хлеб, дожди в тот год были вовремя, как раз когда растения выходили в трубку, урожай обещал быть хорошим. Выехали очень рано. Заря уже окрасила легкие облачка в нежный розовый цвет. Прохладный утренний ветер шевелил густые, покрытые росой травы. Многочисленные цветы тянулись навстречу первым лучам солнца. Всюду были слышны птичьи голоса. Кобыла под княгиней шла как раз та, на которой во время похода на древлян сидел ее мальчик. Животное не подвело, хотя копые чуть не поранило ногу, но лошадь, точно чувствуя, что княжич не должен упасть, только коротко всхрапнула и осталась стоять смирно. Княгиня похлопала кобылу по шее, та уже ожидала потомство, но еще не скоро, и ездить пока можно, если не спешить.

Зеленое поле радовало глаз, позже оно станет желтым, заволнуется под ветром спелыми колосьями, а потом их уберут. И останутся торчать только острые стебли стерни. Вид сжатого, особенно мокрого поля княгиня не любила, казалось, что вместе с колосьями ушла жизнь. Другое дело зелень, у нее все впереди.

Ольга усмехнулась, у поля все впереди, а у нее? Неужели вот это и была жизнь? Ей немногим больше двадцати, у нее маленький сын, она здорова, красива, умна... Но сын растет без нее, а красота княгини никому не нужна.

Вдруг отрок, что сопровождал княгиню, показал ей рукой в сторону дороги. От княжьего двора к ним наметом скакал всадник. У Ольги страхом зашлось сердце: случилось что-то! Она пустила кобылу навстречу, забыв, что ту нельзя прищипоривать. К ним скакал посланник киевского князя. Ольга еще на подъезде хрипло выдохнула:

– Что?!

Тот только успел сказать: «Княжич...», как княгиня снова что было сил прищипорила лошадь. Так же верхом она мчалась и в Киев.

Глава 10

Святослав умирал, маленький ребенок весь покрылся какой-то сыпью и тяжело дышал. Ольга метнулась к нему, взяла его головку в руки, зашептала, не обращая внимания ни на князя Игоря, ни на других людей:

– Людбрант... сынок, ты должен жить! Очнись, посмотри на свою мать...

Мальчик приоткрыл заплывшие глаза и слабо улыбнулся ей. Но не в силах бороться с какой-то заразой, он снова впал в забытие и больше в себя не приходил. Ольга просидела у его изголовья все дни, пока ребенок боролся со смертью. Вот тогда ей и пришла мысль, что назови она сына другим именем, он стал бы князем, главное, был бы жив!

На князя Игоря тоже страшно было смотреть, он вдруг постарел, на висках появилась седина. Дорогой сердцу ребенок, единственный сын среди всех рожденных женами дочек умирал. Он слышал, как назвала Ольга мальчика, понял, что та не смирилась и все же дала ему выбранное самой имя. Если мать назвала сына Людбрантом, то он не Святослав, может, это привело к беде? Но в тот момент не хотелось даже обвинять.

Умерли, кроме княжича, еще двое – его пестун и ближний холоп. Позже князь Игорь понял, что сын принял на себя его участь, потому что отец поселил мальчика в своей ложнице, перейдя в другую. Видно, пытались погубить самого Игоря. Князь Игорь провел жесточайшее дознание, но оно никого не выявило. Казнили многих, только наследника снова не было. Игорь винил жену, давшую ребенку не то имя, но вслух ничего не говорил. Где-то в глубине души понимал, что не прав. Князь изменился, горечь и недовольство изогнули линию губ, опустив уголки рта, между бровями легла глубокая складка...

Ольга вернулась в Вышгород, не дождавшись обряда погребения сына, она понимала, что это будет славянский обряд, и ей не хотелось лишний раз наступать себе на горло. Князь Игорь не возражал. Они снова долго не виделись.

Глава 11

Но жизнь брала свое.

Участь княгини оказалась совсем не такой, какую она представляла себе. Окажись на месте Ольги другая, может, и сникла бы от тоски и безделья, но характер младшей княгини не таков. А тут еще странный случай: в Вышгород приехал брат, привез завещанную Ольге бабкой вещицу. Почему жившая очень далеко старуха, никогда не видевшая внуку, распорядилась обязательно передать Хельге серебряное украшение, никто не понимал, но волю выполнили. Рольф передал завещанное, не объясняя, что это значит, и собрался уезжать. Ольга смотрела на него своими большими синими глазами, с трудом сдерживая слезы. Как сказать, что она одинока, как поведать, что князю не нужна после смерти сына? Нет, она ничего не сказала родным, крепилась изо всех сил, а как Рольф уехал, дала волю слезам. Это были последние слезы на много лет вперед. Брат видел, что ей плохо, но посчитал, что это из-за гибели сына, и дивился выдержке сестры.

Ольга не знала, что за украшение оставила ей далекая бабка-варяжка, но почему-то потянулась к вещице всем нутром. Серебряные плашки сходились в форме креста, поверх прикреплена фигурка человека, поникшего головой, руки которого лежали на сторонах креста. От вещи веяло странной силой, отчего-то было жутковато. Однажды крест увидела в ее руках Владица, ходившая к молодой княгине ближе всех. Глаза женщины с ужасом расширились:

- Откуда у тебя, княгинюшка, этот крест?! Ольга не на шутку испугалась:
- Бабка завещала. А что он значит?

Владица понизила голос до шепота, точно прикрыла собой и подопечную, и то, что та держала в руках:

– Княгинюшка, не показывай никому, особо князю. Это крест христианский, а человек на нем распятый – их бог. Если кто из княжьих людей увидит, а пуще того волхвам передадут – беда. Вся вина за гибель княжича на тебе будет.

Ольге стало не по себе, но не возразить строптивая княгиня не смогла:

– Крест мне принесли после смерти княжича. Владица махнула рукой:

– Кто про то думать станет! Убери с глаз долой чужую вещь и никому не говори, что бабка твоя христианкой была!

Ольга подчинилась, она помнила, что христиан не жаловал князь Олег, почему-то ругал ругательски. Княгиня ничего не знала о матери своего отца, никогда не слышала от него, чтоб та была христианкой. Почему далекой старухе пришло в голову отправить опасный подарок внуку? Втайне от всех Ольга доставала крест и пыталась понять: отчего Бог на нем мучается? Прибит к кресту? Но он же Бог и волен разорвать эти пути?

Однажды, не выдержав, она все же спросила Владицу. Женщина пыталась что-то рассказать о Христе, по которому и вера названа, но ни сама Владица толком не знала, ни Ольга не поняла. Останься крест у нее – беды не миновать, слишком интересовал богочеловек княгиню, но однажды исчезли и крест, и Владица. Ольга поняла, что женщина просто унесла опасный подарок от беды подальше, а потому разыскивать свою ключницу не стала, взяла новую. Но про крест не забыла, только спрашивать больше ни у кого не стала.

Постепенно странный подарок забылся, жизнь закружила делами.

Глава 12

В Вышгороде княгиня снова управляла твердой рукой, а киевский князь по-прежнему ездил на полюдье и сопровождал караваны по Днепру. Шли месяц за месяцем. Игорь уже совсем забыл и Прекрасу, и болгарка Яна тосковала без своего мужа. Наследника все не было. Но все же князь стал появляться в Вышгороде – советовался со своей разумной женой.

А Киеву становилось все тяжелее, наседавшие со всех сторон степняки превращали каждый поход по Днепру в опаснейшее дело. Но дань нужно было возить в Византию, скоро и воск, мед и хлеб, да и челядь не могли годами ждать своего часа в киевских амбарах и дворах. Игорь все чаще ломал голову над тем, как удастся византийцам договариваться с хазарами и болгарками, как они умудряются влиять на всех вокруг. Понимал, что подкупают, но ведь это нужно уметь делать, иначе подкуп просто превратится в дань и станешь зависимым. Он помнил, как перед первым и вторым походами на Абесгун византийцы договорились с хазарами о проходе через их земли русичей. С каким удовольствием хазары истребили бы всех новоявленных друзей своих друзей! Но пропустили, даже в чем-то помогли, хотя получили за это немало. А вот в третий раз сам Игорь договориться не смог, просто понадеялся, что сделают, как и в прошлые два, но не вышло... И обернулось все бедой, хорошо, что ноги унес. Сколько русичей, посеченных врагом, остались лежать в степях, сколько их, связанных цепями, отправилось на невольничьи рынки!

Кто подскажет, как договариваются византийцы? Карла уже нет на свете, да и других Олеговых помощников тоже, Вещий умел это делать не хуже греков, его либо боялись, либо так уважали, что не перечили. Сам Игорь отправиться в Царьград не может, из Киева уходить нельзя, да и как приедешь к своим друзьям-недругам с расспросами? Кроме того, в Царьграде новый император – Роман, пусть власть самовольно захватил, но силен. Станет ли соблюдать договоры императора Льва с князем Олегом? Будут ли русские купцы по-прежнему торговать в Царьграде беспопытно и чувствовать себя в Византии вольно или снова нужно воевать? Кто ответит?

А на юге появилась новая беда – печенег. Не так давно князь смог отбиться от степняков, но что будет дальше? Пока они только грабят торговые караваны, идущие летом в Византию, но что мешает налететь на Киев, пока князь в полюдье? Цареградские императоры всегда умели подкупить степняков, Роману, правда, не до того, сам едва от арабов отбивается, но это сегодня, а что завтра? В греках пока лучше иметь союзников.

Вопросы, вопросы... Кто ответит? Князя Олега давно нет на свете, его соратники тоже ушли из жизни, Игорь должен думать сам.

Князя Игоря все больше волновали вопросы договоров с цареградцами, он снова собирался на печенегов, нельзя, чтобы Византия вмешалась. Печенегов надо разбить сразу и надолго. А Ольга хотела дознаться еще и как землей править. В этом греки большие мастера. Княгиня при каждой встрече старалась напомнить мужу о том, что это так, князь сначала отрицался, потом даже вспылывал: мол, что же, прикажешь мне ехать к ним учиться?! И тут Ольгу точно кто подтолкнул, она лишь повела плечом:

– Зачем же самому? Могу я съездить...

Игорь не нашелся что ответить, уставился на жену широко раскрытыми глазами. Она чуть улыбнулась:

– Для тебя, для Киева я готова....

Первый разговор закончился ничем, князь не ответил, но мысль в голове засела. Ольга умна, очень умна, кому, как не ей, разбираться в умении византийцев управлять страной. Но отправлять жену одну на переговоры?

В следующий раз княгиня словно невзначай снова завела этот разговор, Игорь высказал сомнения. Ольга усмехнулась:

– Какие переговоры? Если велишь, я и договорюсь о чем-то. А нет, так просто посмотрю, как живут и правят.

Князь помнил рассказы своего наставника франка Карла о византийских хитростях, об их умении подкупать и ссорить между собой другие народы, помнил о том, как не жалеют друг дружку родные люди, травят, душат или ссылают далече, борясь за власть. Ему совсем не хотелось, чтобы Ольга набралась такого опыта, но князь понимал, что Киеву нужно что-то менять в своей земле. Когда-то князь Олег подробно расспрашивал купцов и даже засылал своих людей, чтобы узнать, как правят греки. Вещий Олег был очень умен и расчетлив, сейчас Игорь жалел, что не слушал его, теперь нужно доходить до всего самому. Князь Олег примучил древлян, кривичей, уличей и других, и те смиренно давали дань, но так не будет постоянно. Древляне готовы отложиться от Киева в любой день, только ждут своего часа, да и другие тоже. Князь Игорь помнил, как Ольга спасла положение своим нападением на древлян, тогда стало ясно, насколько опасна каждая отлучка князя из Киева. Но исправно платят не все, у большинства если не потребуешь, так и не дадут. Как организывает Византия сбор необходимого со своих данников? Пожалуй, это Ольга сможет разузнать, она вон как разумно устроила все у себя в Вышгороде.

Постепенно, день за днем князь Игорь свыкался с мыслью, что жену стоит отправить в Царьград, хотя это было слишком необычно, никому другому, кроме Ольги, это и в голову бы не пришло.

Князь Игорь решил, что Ольге все же безопасней присоединиться к купеческому каравану, отправил с ней часть дружины и сам проводил до острова Буяна, где на ладьи ставят ветрила, готовясь к морскому походу.

Одно дело слышать о таком путешествии, и совсем другое самой совершить. Для Ольги был интересен прежде всего сам путь в Византию. Она с любопытством оглядывалась вокруг, впитывая впечатления, как льняная ткань воду.

К Витичеву по Днепру отправились в начале изюма – первого летнего месяца. Позже нельзя, весенняя вода на Днепре сойдет, приоткрыв донные скалы на порогах, их и так пройти нелегко, а по малой воде совсем невозможно станет. Там простояли три дня, поджидая, пока соберутся остальные. Среди купцов быстро разнесся слух, что в этот раз князь сам провожает ладьи, все, кто об этом прознал, торопились, как могли. Идти под княжьей защитой – кто ж против? Только нашлись сомневающиеся, князь шел с большой дружиной. Для чего он идет в Византию? Когда узнали, что в Константинополь плывет княгиня Ольга одна без мужа, сначала тоже мало кто поверил. Такого раньше не бывало, княгини все больше по теремам сидели. Не дивились только те, кто бывал в Вышгороде, они-то знали, чего стоит решимость этой синеглазой красавицы! Постепенно привыкли и остальные, да и какая разница, пусть плывет, зато княжья дружина за Хортицу провожать будет, а варяги с Ольгой в сам Царьград поплывут. Купцы старались разузнать только, когда княгиня обратно пойдет, чтоб и себе подогнать ладьи в ее караван.

Игорь, услышав такие разговоры, посмеялся:

– Придется тебе, Ольга, в Царьграде сидеть до купеческого срока, до рюена месяца, а то и до листопада.

Княгиня была не против, в Византии есть чему поучиться. Конечно, ее беспокоило оставленное в Вышгороде хозяйство, но любознательность толкала вперед.

И только самые опытные сильно дивились, слишком велика дружина у князя для простого прохода купеческих ладей, даже вместе с женой. С другой стороны, если бы князь шел на Царьград, как князь Олег, то не стал бы брать с собой Ольгу. Что он задумал?

В Витичеве вокруг все время были люди, множество вопросов требовало разрешения, и князь почти не виделся с женой. Со своими делами Ольга успешно справлялась сама, она даже договорилась с купцами, чтоб на следующий год забрали мед и воск из ее вышгородских медуш.

Ветер приносил запах дыма, но сейчас он не беспокоил даже лошадей, чуткие ноздри которых улавливали запахи лучше людских. Вкусно пахло жареным мясом, это был дым костров, разведенных людьми на берегу, чтобы приготовить себе пищу. Князь усмехнулся в усы, пока еще не опасно так вот вольно сидеть у огня, они под защитой витичевского града, под защитой дружины, степняки не сунутся, поэтому пока люди расслаблены. Чуть позже, за Сулой надеяться придется уже лишь на его княжескую помощь, а потом вообще только на себя.

Игорь спустился вниз к берегу в поисках своей беспокойной жены, сказали, что княгиня распоряжается укладкой товара на ладье. И чего ей не сидится, за скору и все остальное отвечают купцы, это их дело, даже если с княжым товаром что случится, все одно с них спрос. Дело князя защитить ладьи от степняков, а чтоб скоро да зерно не промокли, об этом пусть другие думают. Ладьи стояли вдоль берега плотно одна к другой, много купцов собралось плыть в Царьград в это лето, среди них быстро разнесся слух, что князь сам то ли поплывет с караваном, то ли провожать его будет. Каждый купец хлопочет над своим товаром, точно наседка над цыплятами, смотрит за ним днем и ночью. И то верно, недогляд может обернуться большой потерей, не все, кто рядом, честны, много и воров, готовых стащить ценное, да и просто растяп, способных погубить чужое добро по бестолковости. Купцам нужно сейчас понять, на кого можно будет положиться, когда к порогам подойдут, а от кого придется отказаться сейчас. Они стараются держаться за добросовестных людей, тех, что не подведут, в трудный час не бросят ни товар, ни хозяина на произвол судьбы. Платят таким помощникам поболее, кормят получше. Новенькие не всегда понимают такое расположение хозяина к бывалым, ворчат, норовят и себе выторговать кусок послаще. От этих избавляются в первую очередь: если человек в самом начале пути плату требует, себя не показав, значит, головы за хозяина в трудную минуту не сложит. Хотя когда через пороги пойдут, не будет разницы между хозяевами и их людьми, всех вода Непры-реки уравнивает, все в холодную воду полезут, за тюки хвататься станут, спины гнуть, чтоб поскорее опасное место пройти и в полон к степнякам не угодить. Тогда никого подгонять не придется, всяк спешит свою лепту внести в общее дело, тогда один за всех, а все как один. Разве что вон княгиню тюки таскать не заставят.

Купцы, да и не только они, не могли понять, зачем князь с собой княгиню взял. Мало того что она из своего Вышгорода целых три ладьи товаром нагрузила, так еще вдруг взялась распоряжаться, чтоб его переложили по-другому. Перечить ей вышгородские не могли, видно, не приучены, принялись таскать все на берег, а потом обратно. Но, приглядевшись к тому, что творится на княжеских ладьях, купцы один за другим стали ближе подходить и внимательнее наблюдать. Первым, поняв, что Ольга задумала, в усы хмыкнул Вручко:

– Ай да княгинюшка!

Остальные тоже закачали головами, княгиня верно сообразила, она распорядилась переложить товар так, чтоб его быстро можно было с ладьи снять и так же быстро вернуть обратно. А ведь плыла впервые и порогов ни разу не проходила. Кто подсказал? Ближний боярин Ольги Ховрат покачал головой:

– Сама догадалась...

И еще раз прозвучало:

– Ай да княгинюшка!

А сама Ольга, раскрасневшись от задора и быстрой ходьбы, звонким голосом отдавала приказы, что делать. Холопы бегали с тюками на спинах по сходням и по берегу, но суеты не

было, точно каждый знал свое место. Издали это было похоже на работу муравьев, так споро двигалось дело.

Князь Игорь смотрел на жену, привычно распоряжающуюся людьми, и понимал, что ему досталась необычная женщина.

Глава 13

Наконец тронулись от Витичева вниз в сторону Ржева, к Варяжскому острову.

В устье реки Трубеж за громадой Змиевых валов едва виднелся Переславль, а справа над рекой нависала гора Заруб. С нее были хорошо видны окрестности, и здесь подождали отставших. Плыли пока еще по своим землям, а потому не слишком беспокоились. Дальше по степи прошли еще мимо Канева и Родня до устья Сулы, где последняя безопасная гавань Воинская Гребля. Впереди были пороги и степь со всеми ее угрозами. Кочевники могли притаиться за любым кустом, в каждом зарослях камыша, в каждой балке. Люди тревожно вглядывались в берега, ожидая появления степняков. Славяне всегда пытались защититься от их набегов, как могли. Вон Змиевы валы в незапамятные времена выкопали, хотя говорят, что это еще змий, запряженный древними воинами в плуг, вспахал, да так и помер за работой. Похоже, уж очень высоки да длинные. Валы валами, а ухо держи остро да лук со стрелами наготове.

Тяжелее всего было на днепровских порогах. Первый из них звали Иссупи, то есть Не спи. Как тут заснешь? Река в этом месте узкая, а посередине обрывистые острые скалы выступают из воды островами. Из-за грохота водяных струй, то набегающих на скалы, то падающих вниз, не слышно людских криков. Пришлось высадиться на берег и пойти пешком. У каждой ладьи остались по несколько человек, раздевшись догола, осторожно протащили их вдоль самого берега. У следующего порога, Улворси, или Островунипрах, все повторилось, снова сходили на берег, снова люди перетаскивали ладьи мимо камней, стоя по пояс в воде. Третий не зря звали Геландри, то есть Шумный, а у четвертого Айфор, значит Неясыть, пришлось выносить на берег и все вещи, слишком тяжело тащить. Остальные пороги – Варуфорос, или Вулнипрах, Леанди, или Веручи, Кипящая вода и последний Струкун, или Напрези (Малый порог), проходили уже привычно. Но к вечеру с ног валялись все: и те, кто тащил ладьи, и те, кто то и дело высаживался на берег, боясь с одной стороны, ревущей воды, а с другой – нападения степняков, и те, кто их защищал.

Никому не показалось лишним принести жертвы богам на острове Хортица у огромного дуба. Едва живая от усталости княгиня молча наблюдала, как дружинники князя рубили голову петуху. Бедной птице выпало быть принесенной в жертву Перуну. Купцы больше толпились у идола Волоса, своего бога скотницы – казны и богатства.

Глава 14

Какой он, византийский император Роман Лакапин? Ольге рассказали, что Роман стал сначала регентом при своем зяте Константине, а потом объявил себя кесарем, отстранив зятя от власти окончательно. «Василеопатр»... это слово почему-то насмешило княгиню, а ее смех испугал купца-грека, рассказывавшего о малолетнем Константине Багрянородном, его нелепой женитьбе и претендентах на власть. Ольга поняла, что в самой Византии надо держать свои мысли при себе.

Она смотрела на воду, струящуюся вдоль борта ладьи, на белые облачка на горизонте и при этом внимательно слушала рассказы о правителях Царьграда и их непростых взаимоотношениях. А где просто? Власть всюду требует жертв и осмотрительности.

Отец Константина Багрянородного император Лев сделал своего сына соправителем, когда ему было всего три года. Ольга помнила, об этом рассказывал еще Карл, князь Олег воевал Царьград как раз в те времена. Императоры делали наследников своими соправителями еще при жизни, чтобы после их смерти не разгоралась вражда за трон. Что ж, разумно, если сын не один, то тяжело разобраться между собой. Только не очень помогало это и византийским василевсам. Вместо Константина правил сначала патриарх Николай Мистик, потом мать маленького императора Зоя Карвонопсида, но не так давно бедолагу женили на дочери друга-рия византийского флота Романа Лакапина. Ольга удивлялась, Константину и пятнадцати не было, рано жену брать. Грек только усмехнулся: мол, кто ж его спрашивал? Роман стал василеопатром, отодвинув в сторону зятя. Почему? У тестя сила, у зятя пока только ум. Он молод, ума для того, чтобы править, маловато. Ольга соглашалась, но ум даст со временем и силу.

Но на трон Царьграда претендовал еще и болгарский царь Симеон. «Он-то почему?» – удивлялась Ольга. Ей объясняли, что Симеон был воспитан в Константинополе, целых десять лет провел в Магнаврской школе, его даже звали полугреком. Он стал царем болгар по воле своего отца Бориса, который сначала добровольно отказался от власти, уйдя в монастырь, а потом вдруг вернулся, ослепил своего сына Владимира и сделал наследником Симеона. «За что?!» – ужасалась княгиня. Борис ввел христианство в своей стране по требованию Византии, потом жестоко подавлял мятежи против него, а когда ушел в монастырь, его сын Владимир попытался вернуть в страну язычество. Это грозило Болгарии большими бедствиями со стороны Византии, и Борис предпочел погубить собственного сына, отдав власть третьему по счету, воспитанному в Константинополе Симеону. Но Симеон уже через год стал воевать с Византией и воюет до сих пор. Он даже смог заключить с ромеями договор о браке между Константином и своей дочерью, чтобы самому сесть на константинопольский престол. Но вернувшаяся из ссылки мать Константина этот договор расторгла. Болгария сильна, очень сильна, а Симеон хорошо знает слабые места своих противников. Роману тяжело держать оборону против грозного болгарского царя.

Ольга раздумывала о непрочности власти. Даже оставленный правителем Константин пока беспомощен, как ягненок. С одной стороны, Роман, у которого сила армии Византии, с другой – болгарский царь Симеон, взяв Константинополь, он вряд ли оставит теперь жизнь Константину, тот станет ему не нужен в зятя. Но и сам Роман тоже непрочен сидит. Не только в Симеоне дело, свои же могут сбросить. Княгиня вспоминала князя Олега, столько лет воспитывавшего малолетнего Игоря, думала о том, как сложится все в Киеве дальше. У князя Игоря нет наследника, кто станет править, случись с ним что? Как сделать власть прочной? Для этого мало быть наследником, нужна и крепкая дружина, и власть не только в стольном граде, а по всей земле. Когда князь Игорь не слишком удачно ходил через хазар, Ольга в полной мере почувствовала опасность малейшей слабости со стороны киевского князя. И тут поняла, что нельзя сидеть только в Киеве или ходить в полюдье каждую зиму. Когда князь в полюдье, Киев

почти беззащитен, когда сидит в Киеве, те же древляне сами по себе. Как этого избежать? Надеюсь, что в разумном Царьграде найдутся ответы на эти вопросы, но и у них непорядок...

Глава 15

Патриарху Николаю Мистик у донесли, что со стороны русов в составе купеческого каравана прибыла жена князя Игоря княгиня Ольга. Остановилась вместе со всеми на подворье Святого Маманта. Патриарх удивился, такого еще не бывало, чтобы жена князя приплыла одна, да еще и не требовала себе парадной встречи. Зачем она здесь?

Николаю доложили, что Ольга одна из трех жен князя русов, славится своим умом и хозяйственностью, знает греческий, родом варяжка, детей от князя нет. Прибыла в Константинополь, чтобы самой познакомиться с тем, как управляется огромная империя, чему-то научиться. Патриарх усмехнулся, учиться, конечно, хорошо, но кто же ей станет раскрывать все тайны? Русь хотя и союзник, но Византия уже имеет горький опыт. «Одного научили», – вздохнул Николай Мистик, вспомнив Симеона. Но, немного поразмыслив, он все же решил встретиться с княгиней, кто знает, какие семена бросит она в почву отношений Константинополя с Киевом... Иногда то, чего не могут мужчины, сможет одна-единственная женщина. Правда, чаще это ведет к вражде и войнам, но бывают исключения.

Подворье Святого Маманта находится за городскими стенами: опасаясь за свою столицу, император Лев записал в договоре с князем Олегом, что купцы имеют право входить в город только безоружными и небольшими группами. Конечно, отсутствие оружия приводило к грабёжам русских, но они хорошо знали, куда ходить не стоит, и ссоры возникали не так часто. Как будет передвигаться княгиня? Ее охране нужно оружие. Патриарх распорядился выделить киевской княгине охрану из числа императорской. Они варяги и поймут друг дружку быстро.

Ольгу удивило, насколько быстро все прознали греки и позаботились о ее охране. Добромир, часто ходивший в Царьград, усмехнулся:

– Они, княгиня, не тебя защищают, а себя. Это чтобы знать, куда ты пойдешь. А про твой приезд известно от чиновников, они же нас в первый день переписали. Смотри, греки тебя не пустят, куда не нужно.

Ольга кивнула:

– Да и пусть, сама не пойду. Мне, главное, понять, как управляются.

Добромир только головой покачал, ну и женщина! Другие сидят в теремах, носа за двор не выказывая, а эта вон куда поплыла. Говорят, у нее и в Вышгороде свой порядок лучше киевского. Для себя решил, что на следующий год товар возьмет у княгини, хотя ту и не обманешь, цены сама увидит нынче, но она теперь знает, каким трудом достается это плавание.

Патриарх Николай Мистик вопреки собственному решению не стал встречаться с русской княгиней, только приставил к ней своих людей, чтоб показывали, что спросит, и наблюдали заодно. Каждый вечер к нему на доклад приходили двое: Феофил и Ираклий, и рассказывали странные вещи. Княгиня не просто умна, она разумна, вникает во все, что видит вокруг. Ее интересует не просто устройство империи, а то, как управляют ремесленниками и купцами, как образуются цены, как распределяется выгода... Княгиня ничего не спрашивает об армии и оружии, не интересуется вопросами веры.

Последнее замечание не очень понравилось патриарху, зато натолкнуло его на мысль попытаться убедить княгиню Ольгу принять у себя в Киеве священников из Византии. Там уже есть христиане, пусть направленные Константинополем священники проповедуют святое учение среди язычников. Он, конечно, помнил, как бесследно сгинули в языческой массе славян отправленные с Аскольдом проповедники, но продолжать все равно надо. Княгиня живет отдельно от князя в Вышгороде. Это хорошо, пусть из Вышгорода начнется проповедование. Патриарх распорядился подобрать подходящих людей, числом с десятков, он потом сам подумает, кого и сколько посылать. А в качестве приманки стоит пригласить разумную княгиню на прием к императору, женщины, даже самые разумные, больше падки на внешний блеск, чем

мужчины. Пусть посмотрит, как можно жить, как ее могут принимать, если станет христианкой.

Сам Роман не возражал, ему тоже донесли, что киевская княгиня разумна, а главное, красива. Красивых женщин, да еще и умеющих думать, Лакапин любил, он согласно кивнул головой: «Пусть придет». Конечно, прием не будет организован для нее лично, слишком много чести, да и прибыла она почти инкогнито, но на ближайший день в Большой дворец пригласить можно.

А патриарх уже подобрал священника, который не просто должен последовать за русской княгиней в далекий Киев, но стать там ее духовным наставником, привести княгиню к истинной вере. Таким, по мнению Николая Мистика, вполне мог стать священник Григорий.

Ольга ничего не имела против присутствия рядом с ней Григория, тот умен и может многое толком объяснить.

Объяснять действительно пришлось, и делать это оказалось весьма тяжело. Пытливый ум молодой княгини легко продирался сквозь пышные витиеватые речи чиновников, Ольга замечала, что за красивым фасадом старая прохудившаяся внутренность. Особенно тяжело Григорию было, когда княгиня начинала задавать вопросы про власть и ее переход от одного императора к другому. Говорить, что есть, нельзя, а лгать или замалчивать русская архонтесса не позволяла, как и уходить от ответа.

Власть богоданная, то есть данная Богом. Но на земле все от богов, значит, и власть тоже? Император Византии облечен божественной властью, он равен богу на земле. Но он император Византии, а как же для других земель? Византия самая могущественная страна, поэтому ее император самый могущественный. А если найдется кто-то, кто победит Византию? Например, если болгарскому царю Симеону удастся разбить войска Романа Лакапина, он станет богом на троне, ведь он тоже венчан на царствие? Куда смотрел Бог, когда венчали императорской короной Михаила Пьяницу, когда власть захватывали? Ольга осторожно не уточнила, кто именно, понимая, что если прозвучит имя Романа Лакапина, ей не поздоровится. Но и этих вопросов хватило, чтобы Григорий в ужасе перекрестился, с такой подопечной недолго и на плаху угодить.

То, что недоговаривал священник, княгиня понимала сама. Императоры такие же люди, как и князья, например, они тоже борются за власть, женятся, едят и пьют, любят и ненавидят... Но их пребывание на троне освящено патриархом. Ольга спрашивала: «Патриарх главнее императора?» И снова вызывала тихую панику в душе у Григория: «Нет, император священен». – «Но ведь патриарх может и не венчать на царствие?» – «Не может». – «Почему?» – «В происходящем воля Божья, если будет таковая, то человека венчают, а нет, так и не получит трон, сколько бы ни желал». Снова и снова переспрашивала княгиня, зачем тогда венчать, ведь если воля Божья, то власть будет и без патриарха? Чтоб все остальные видели, кого избрал Господь своей волей. Ольга задумалась, Божья воля не всегда выбирает самого лучшего, позволяет власть отбирать, как это сделал Роман у своего зятя... Почему? Сама себе отвечала: отобрал, потому что Константин молод и слаб. «Значит, Господь помогает сильным?» Вопрос снова ставил в тупик священника. Тот отвечал: «Достойным». – «Чем Роман достойнее Константина?» Григорий начинал сердиться на дотошность русской архонтессы, она желала понять разумом, а он пробовал научить верить.

Верить в Божий промысел, в правильность его воли, научиться вообще не задумываться, правильно что-либо или нет, ведь пути Господни неисповедимы. Он лучше знает, что для людей хорошо, а что плохо. Он заботится о душах, а человек о бренном теле.

Долгие тяжелые разговоры выматывали священника так, что он готов был признать свое поражение в просвещении архонтессы. Знал бы, что его ждет в Киеве, отказался бы заранее. Ольга еще сотни раз будет спорить и возвращаться к одним и тем же вопросам, пока наконец не поверит сама душой, а не разумом.

Уже во время первого приема княгиня поняла, что Романа Лакапина меньше всего волнует устройство и благосостояние далекого Киева, он больше озабочен собственными делами. Есть почему. На Византию насаждает Болгария, там у власти воспитанный в Константинополе Симеон, третий сын князя Бориса. Казалось, болгарский царь должен, напротив, поклоняться Византии, но у Симеона были свои виды на Большой Константинопольский дворец, во время предыдущей войны он заставил византийцев подписать договор, по которому Константин должен был жениться на дочери Симеона. Но вернувшаяся из ссылки мать императора Зоя этот договор разорвала, Константин женился на дочери Романа Лакапина и передал в руки тестя правление огромной империей. Передал, как говорят, добровольно, объявив, что тот благомысленнейший и вернейший, что заменил ему отца... Вернейший Константина тут же от власти отодвинул совсем и, похоже, возвращать не собирался.

Романа больше беспокоила Болгария и гораздо меньше собственный зять и какая-то русская архонтесса. Она красива и умна, но это только женщина.

Женщины могут привести к трону, если они высокородны, но Романа не интересовала власть в далеком Киеве. Он был готов наладить отношения с сильной, хотя и далекой страной и использовать ее силу в своих целях, но не более. Впрочем, саму княгиню русов император согласен посадить рядом с собой на трон. На время. Пока не надоест.

Ольга жалела Константина, с детства оказавшегося игрушкой в руках тех, кто использовал его в борьбе за власть, наверное, вспоминала себя, юной девочкой попавшей в княжеский терем и ставшей никому не нужной. Она тогда смогла выстоять, а Константин так и остался разменной монетой. Однажды княгиня пробормотала это, сидя на ипподроме и наблюдая за императором и стоящим сзади него бедолагой Константином. Оказавшаяся рядом знатная женщина, Ольга слышала, что она жена Феофана, не последнего человека при матери Константина Зое Карвонопсиде, удивленно приподняла бровь.

– Вы увидели главное в трагедии Константина... Для чужестранки это удивительно. Вы очень наблюдательны.

Ольга изумилась не меньше, она произнесла фразу по-варяжски, уж никак не рассчитывая, что кто-то в Константинополе сможет ее понять и тем более ответить.

Заметив смущение княгини, женщина улыбнулась:

– Мой отец варяг, он из тех, кто всегда охранял спокойствие императорского трона Константинополя. Дома он часто говорил с нами на родном языке.

Ольга еще некоторое время разговаривала с Евдокией, правда, уже по-гречески. Княгиня знала греческий лучше, чем Евдокия варяжский. Красавица-византийка все же предупредила Ольгу, что в Константинополе многие знают чужие языки и свой собственный надо держать за зубами. Княгиня уже поняла это, но все равно была благодарна за совет. Они еще долго говорили о чем-то, Ольга хвалила константинопольские храмы и дворцы, Евдокия посоветовала сходить не только в главные и большие, а пройти по меньшим, там уютней и настрой другой.

Этот совет запал Ольге в душу, день спустя она так и сделала. Константинополь действительно разный – парадный и высокий в центре, он гораздо ниже и теснее, проще ближе к окраинам и уж совсем грязный и нищий в закоулках. Конечно, княгиня не пошла на самые окраины, понимая, что это опасно, но в сторону от Большого дворца отправилась с удовольствием. Как и во множество торговых лавок и на рынок.

Однажды ей показалось, что впереди мелькнул знакомый силуэт. Неужели Евдокия? Что она делает так далеко от центра города? Женщина, очень похожая на недавнюю знакомую Ольги, направилась к храму. Княгиня вспомнила ее слова про храмы, что чуть дальше от центра. Почему-то захотелось посмотреть, в каком храме молится Евдокия и как это делает.

Ольга шагнула внутрь. В храме горели несколько светильников, свет был приглушенным, сладковато пахло. Княгиня уже знала, что это ладан.

Евдокия взяла свечку и подошла к висящему на стене изображению женщины с маленьким ребенком на руках. Остановившись, она что-то зашептала, точно просила. Ольга понимала, что так и есть, женщина о чем-то молила богиню. Княгиня стала с любопытством оглядываться, рассматривая убранство храма. Кроме изображения женщины с ребенком, на стенах были еще изображения мужчин. Они не стояли как языческие идолы, а были нарисованы, перед всеми горели такие же свечи, какую зажгла Евдокия. Ольга подумала, что, видно, всех их о чем-то просят, но не приносят плоды или цветы, а жгут свечи. Она усмехнулась, вот для чего византийцам столько воска! Но самым удивительным, что увидела Ольга, был большой крест с распятым на нем человеком, очень похожий на тот, что завещала ей бабка и советовала прятать подальше от чужих глаз старая Владица!

Княгиня так задумалась, что не заметила, как подошла Евдокия, даже вздрогнула от прикосновения ее нежной маленькой ручки.

– Как сюда попала русская княгиня? По городу нельзя ходить без охраны...

Большие темные глаза женщины смотрели доброжелательно. Почему-то с ней Ольга не могла держать себя надменно, глядеть, как на других, свысока. Княгиня даже слегка смутилась:

– Мои носилки там... – она показала на вход, – я хотела посмотреть, как молятся христиане.

Евдокия могла бы возразить, что княгиня это уже видела, но промолчала. Ольга перевела взгляд на изображение, перед которым только что стояла Евдокия. Та, казалось, поняла невысказанный вопрос, улыбнулась:

– Это Богоматерь.

Русской княгине было не очень ясно, пришлось объяснить. Евдокия даже вздохнула:

– У кого женщинам просить, как не у нее?

– О чем? – невольно вырвалось у Ольги. Евдокия чуть отвернулась и ответила в сторону, княгине даже показалось, что в ее прекрасных глазах блеснули слезы.

– О сыне...

Ольга вздрогнула от этих слов и снова оглянулась. Женщина с младенцем на руках смотрела строго. Княгиня уже знала, что ребенок – сын Бога. Сначала это удивило Ольгу, разве все люди не Божьи дети, внуки? Но сейчас думалось не о том. Мать младенца Богоматерь можно попросить о сыне? Всем или только христианам?

Кажется, Ольга спросила об этом вслух. Евдокия пригляделась к ней внимательней, чуть задумчиво ответила:

– Она мать Иисуса, ее чтят христиане... если веришь в нее искренне и попросишь сердцем...

Ответ был очень осторожным, княгиня не поняла слово «искренне», не столь хорошо знала греческий. Евдокии пришлось объяснять.

Они остановились у дверей храма, продолжая разговор. Прохожие с любопытством поглядывали на двух красивых знатных женщин, одна из которых была одета не по-константинопольски. Впрочем, чужестранцы в столице Византии не редки, одежд всяких хватает, и людей скорее интересовала красота женщин. Византийка темноглазая, с длинными каштановыми волосами, та, вторая, напротив, светловолосая, синеглазая, держится прямо, голова горделиво вскинута. Что их связывает между собой?

А связывала женская судьба, может, потому и потянулись друг к другу с первого взгляда. И Ольге, и Евдокии нужен был сын. У первой сын погиб, у второй родились уже три дочки. Чтобы удержать мужа, ей нужно родить мальчика, иначе ее Феофан возьмет себе другую жену, а ее отправит в монастырь. Вот и пришла красавица молить Богоматерь о помощи, о заступничестве перед Богом.

Глава 16

Император Роман Лакапин, правивший вместо своего зятя Константина Багрянородного, очень походил на варяга, много лет просидевшего на руме драккара. Нет, не внешностью, не видом, а грубостью поведения и такими же шутками. Он захватил власть и не собирался отдавать ее в ближайшем будущем зятю.

Императора мало интересовала Русь, эта варварская страна, и гораздо больше молодая синеглазая красавица княгиня, к тому же произносившая такие разумные речи! Роману давно надоела нынешняя жена, пора отправлять ее в монастырь, и в ответ на очередную фразу русской княгини он воскликнул, с вожделением глядя на ее белую лебединую шею:

– Ты достойна править вместе с нами империей! Повисло страшное в своей неопределенности молчание. Ольга словно разделилась внутри на две части, одна продолжала улыбаться императору и в ужасе искать выход из создавшегося положения, а вторая вдруг в который раз вспомнила слова Евдокии: «...если искренне попросишь...» Христианская богиня... надо поверить и попросить... поможет... Эти мысли не давали покоя с той встречи в храме, она не переставала думать о сыне, будущем сыне.

И вдруг обе Ольги соединились, и княгиня ответила:

– Ты хотел, чтобы я стала христианкой? Крести меня сам вместе с патриархом.

Роман даже не нашелся что ответить, только чуть растерянно крутил головой, ища взглядом Николая Мистика. Когда нашел, увидел, что патриарх старательно кивает головой, соглашаясь. В Византии всегда старались крестить всех правителей-нехристиан, посещавших Константинополь, дарили богатые подарки, откровенно подкупали. Крещеный правитель потянет за собой и своих подданных. А тут княгиня огромной варварской страны, женщина с таким властным взглядом, казалось, прикажи она, и все русы пойдут креститься разом. Глаза Николая Мистика блестели, какая удача, на такую он и рассчитывать не мог. Хотел просто отправить с Ольгой на Русь священника, даже подобрал уже Григория, чтобы тот попытался осторожно проповедовать святое учение при дворе русских князей. И вдруг она сама просит крестить! Патриарх знал, что княгиня и без сопровождения ходила в храм, разговаривала там с Евдокией, женой Феофана, видно, женщина смогла сделать то, что не могут мужчины-священники. Это нужно учесть.

Все закрутилось вокруг Ольги так, что она сама только успевала реагировать на то, что ей говорили. И все время видела радостные глаза Евдокии. Чуть позже она узнала и вторую, вернее, первую причину радости женщины – та ждала ребенка! Это добавило Ольге уверенности в том, что и у нее будет все хорошо. Первое, что княгиня попросила у матери Бога-сына, было, конечно, рождение собственного сына.

Но ее крещение принесло и другой результат. Император не оставил своей мысли сделать из нее императрицу. Когда Ольга вдруг осознала, что стоит перед выбором – остаться ли в Царьграде при Романе или вернуться на Русь к Игорю, то пришла в ужас! Неужели ее сын должен родиться от этого грубияна, сидящего на константинопольском троне не по праву?! Ольга бросилась к своему новому наставнику, христианскому священнику Григорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.